

Заголовок : Политические и интеллектуальные тенденции в Туркестане в начале XX века: Взгляд из Петербурга и Стамбула
Title : Political and Intellectual Tendencies in Early 20th century Turkestan: View from Petersburg and Istanbul
Başlık : 20. Yüzyılın Başlarında Türkistan'da Siyasi ve Entelektüel Eğilimler: Petersburg ve İstanbul'dan Bir Bakış

Yazarlar / Authors / Автор

ORCID ID

Zaynabidin ABDIRASHIDOV

[0000-0002-6869-4315](https://orcid.org/0000-0002-6869-4315)

Bu makaleye atf için / To cite this article / Ссылка на статью : Zaynabidin Abdirashidov, Политические и интеллектуальные тенденции в Туркестане в начале XX века: Взгляд из Петербурга и Стамбула, *Türkiye Rusya Arařtırmaları Dergisi* 4 (2020): 55-100.

DOI : [10.48068/trad.824879](https://doi.org/10.48068/trad.824879)

Makale Türü : Arařtırma Makalesi

Type of Article : Research Article

Тип статьи : Научно-исследовательская статья

Geliř Tarihi / Received / Поступила : 12.11.2020

Kabul Tarihi / Accepted / Принята к публикации : 06.12.2020

Yayın Tarihi / Published / Опубликовано : 31.12.2020

Yazar: Zaynabidin ABDIRASHIDOV*

20. Yüzyılın Başlarında Türkistan'da Siyasi ve Entelektüel Eğilimler: Petersburg ve İstanbul'dan Bir Bakış

Öz: 20. yüzyılın başlarında Türkistan'da ceditçilik hareketi ve fikirlerin yayılması, bölgedeki siyasi durum ve entelektüel ortam, yalnızca Rus İmparatorluğu'nun hükümet çevrelerinde değil, Rus ve Müslüman dergilerinin sayfalarında da tartışma konusu oldu. Özellikle Rusya'daki *Tarcüman* ve *Vakit*'in yanı sıra, Türkiye'deki 2. Meşrutiyet Devrimi'nden sonra ortaya çıkan "İslamcılık" yöndeki Türk basını, Türkistan Müslümanlarının sosyo-politik ve ekonomik durumuna daha fazla ilgi göstermeye başladı. Bu süreli yayınlar, politik yönlerine bağlı olarak, çoğu durumda, analitik olarak basılmış, bilgi niteliğinde materyalleri gözden geçirmiş ve yerel entelektüellerden mektuplar almıştır.

Çarlık yetkilileri, komşu devletlerdeki siyasi durum ve bunların Türkistan halkının siyasi havası üzerindeki olası etkileri konusunda endişelenmeye başladı. Bağımsız muhbir ve ajan ağlarına sahip Harp ve Dışişleri Bakanlığı ile İçişleri Bakanlığı'na bağlı yeni oluşturulan Türkistan İlçe Güvenlik Birimi, "sakıncalı" vatandaşları yakından izliyordu. Böylelikle bu daireler geniş bir istihbarat ve muhbirler ağı oluşturmuş ve bu vatandaşlar hakkında detaylı bilgi toplamıştır. Toplanan materyallerin analizi yetkililer tarafından yerel halkın yaşamındaki olaylarla ilgili her türlü korkuyu ortaya koyan muhtıra şeklinde alındı. Yetkililer, bölgedeki Rus hâkimiyetinin ana tehdidi olarak kabul edilen Türk ve Afgan nüfuzundan özellikle endişe duyuyorlardı. Bu komşu devletlerden kaynaklanan pan-İslamizm fikirleri, Rusya'nın bölgedeki mevcut politikasını büyük ölçüde sarsabilir.

Müslümanları birleştirme, Batı'nın ilerici biliminin meyvelerini asimile etme ve sömürge politikasına karşı mücadele etme fikri daha çok Türkistanlı gençleri çekmeye başladı. Onlar, bir şekilde dış dünyadan soyutlanmış olsalar da, "İslamcılık" fikirlerini yoğun bir şekilde kıskırtan basını daha sık almaya ve okumaya başladılar.

Bu makalede yer alan "pan-İslamizm" kavramı, Jön Türklerin Rusya, özellikle de Türkistan Müslümanları üzerindeki ideolojik etkisi, Rus devletine karşı antiemperyalist bir hareketin gelişmesine ve tüm Müslümanların Osmanlı Sultanı'nın tek bayrağı altında toplanmasına katkıda bulunduğuna inanan Rus siyasetçilerin bakış açısından değerlendirilmektedir.

Bu makale, Türk süreli yayınlarından materyallerin ön analizlerini ve ayrıca 20. yüzyılın ikinci on yılının başında Türkistan'daki siyasi ve entelektüel eğilimlerin gelişimi hakkında genel ve analitik bilgi sağlayan Türkistan'daki Rus yetkililerin politikasını sunmaktadır. Çalışma kapsamında Türkistan Müslümanlarının ulaştığı *Şirât-ı Müstaqim*, *Ta'aruf-i Müslimin* ve *Hikmet* dergilerinin materyalleri analizde ağırlıklı olarak yer aldı.

Ayrıca bu makale esas olarak görüşlerin belirli bir değerlendirmesini yapmanın yanı sıra Rus güç yapılarını ve Osmanlı toplumunun temel ideolojik yönlerini, bunların Türkistan'daki siyasi ve entelektüel eğilimlerle ilişkisini belirlemeye yönelik ön girişimler sunmaktadır. Analiz ayrıca, kendi görüşleri aracılığıyla anavatanlarındaki siyasi ve entelektüel eğilimleri değerlendirmeye çalışan Türkistanlıların gönderdiği materyalleri içermektedir. Türk basınının reformist eğilimlerin gelişimine ilişkin görüşlerini incelemeye yönelik bu ilk girişimler, 20. yüzyılın başında Türkistan'da yaşanan olayların anlaşılmasına ve objektif değerlendirilmesine de belli bir açıklık getirmektedir.

Anahtar Kelimeler: Türkistan Tarihi, Rusya İmparatorluğu, Osmanlı Devleti, İslamcılık, basın.

* Assoc. Prof., Alisher Navo'i Tashkent State University of the Uzbek Language and Literature, Faculty of Translation Theory and Practice, Department of Oriental Languages, E-mail: abdirashidov@gmail.com, ORCID ID: [0000-0002-6869-4315](https://orcid.org/0000-0002-6869-4315), DOI: [10.48068/trad.824879](https://doi.org/10.48068/trad.824879).

Political and Intellectual Tendencies in Early 20th century Turkestan: View from Petersburg and Istanbul

Abstract: The spread of Jadidism and its ideas in Turkestan at the beginning of the 20th century, as well as the political situation and the intellectual environment in the region, became objects of discussion not only in the governmental circles of the Russian Empire, but also in the pages of the Russian and Muslim periodicals. In particular, in addition to *Tarcuman* and *Waqt* in Russia, the Turkish press of the “Islamist” direction, which arose after the 2nd Constitutional Revolution of 1908, began to pay more attention to the socio-political and economic situation of Turkestan Muslims. These periodicals, based on their political direction, printed, in most cases, analytical, review materials of an informational nature and received letters from local intellectuals.

The tsarist authorities began to worry about the political situation in the neighboring states and their possible influence on the political mood of the population of Turkestan. The Ministry of War and the Ministry of Foreign Affairs, which had independent networks of informants and agents, as well as the newly created Turkestan District Security Division, which was subordinate to the Ministry of Internal Affairs, kept a close watch on “unwanted” citizens. Thus, these departments created a wide network of intelligence and informants and collected detailed information about these citizens. The analysis of the collected materials was received by the authorities in the form of memoranda, in which all concerns about the events in the life of the local population were stated. The authorities were particularly worried about Turkish and Afghan influence, which was considered the main threat to Russian dominance in the region. The ideas of pan-Islamism, emanating from these neighboring states, could greatly shake Russia's current policy in the region.

The idea of uniting Muslims, assimilating the fruits of the progressive science of the West, as well as fighting against colonial policy began to attract more young Turkestanis. Although they were somewhat isolated from the outside world, they began to receive and read more often the press, which intensively agitated the ideas of “Islamism”.

The concept of “Pan-Islamism” in this article is considered from the point of view of Russian politicians, who believed that the ideological influence of the Young Turks on Russian, in particular Turkestan Muslims, contributes to the development of an anti-imperialist movement against the Russian state and the rallying of all Muslims under a single flag of the Ottoman Sultan.

This article provides preliminary analyzes of materials from Turkish periodicals, as well as the policy of the Russian authorities in Turkestan, which provides general and analytical information about the development of political and intellectual trends in Turkestan at the beginning of the second decade of the twentieth century. Within the framework of the study, the materials of the newspapers *Şirâṭ-ı Müstaqîm*, *Ta’âruf-i Müslimîn* and *Hikmet*, to which the Turkestan Muslims had access, were mainly involved in the analysis.

In addition, this article mainly provides preliminary attempts to give a certain assessment of the views, as well as to identify the main ideological aspects of the Russian power structures and Ottoman society, their relationship to political and intellectual trends in Turkestan. Also, the analysis involved materials sent by Turkestanis, who, through their views, tried to assess the political and intellectual trends in their homeland. These preliminary attempts to study the views of the Turkish press on the development of reformist tendencies also bring a certain clarity to the understanding and objective assessment of the events that took place in Turkestan at the beginning of the 20th century.

Keywords: History of Turkestan, Russian Empire, Ottoman State, Pan-Islamism, press, politics.

Политические и интеллектуальные тенденции в Туркестане в начале XX века: Взгляд из Петербурга и Стамбула

Аннотация: Распространение джадидского движения и его идей в Туркестане в начале 20-го века, а также политическая обстановка и интеллектуальная среда в крае стали объектами обсуждения не только в правительственных кругах Российской империи, но и на страницах русской и мусульманской периодической печати. В частности, кроме «Тарджумана» и «Вақыт»а в России, турецкая печать «исламистского» направления, возникшая после 2-ой Конституционной революции 1908 года, стала больше обращать внимание на социально-политическое и экономическое положение туркестанских мусульман. Эти периодические издания, исходя из своего политического направления, печатали, в большинстве случаев, аналитические, обзорные материалы информационного характера и получаемые письма от местных интеллектуалов.

Царских властей начало волновать политическая ситуация в сопредельных государствах и их возможное влияние на политическое настроение населения Туркестана. Военное министерство и Министерство иностранных дел, которые имели самостоятельные друг от друга сети информаторов и агентов, а также вновь созданное Туркестанское Районное Охранное Отделение, которое подчинялось Министерству внутренних дел, вели пристальное наблюдение за «неудобными» гражданами. Тем самым, эти ведомства создали широкую сеть разведки и осведомителей и собирало подробную информацию об этих гражданах. Анализ собранных материалов поступало властным структурам в виде докладных записок, в которых излагались всякие опасения по поводу происходящих событий в жизни местного населения. Властей особо волновало турецкое и афганское влияние, которая рассматривалась основной угрозой российского господства в регионе. Идеи панисламизма, исходящая из этих сопредельных государств, могла сильно пошатнуть проводимую политику Россией в регионе.

Идея единения мусульман, усвоения плодов прогрессивной науки Запада, а также борьбы против колониальной политики стали больше привлекать молодых туркестанцев. Они, хотя были в некотором роде в изоляции от внешнего мира, стали чаще получать и читать прессу, которая интенсивно агитировала идеи исламизма.

Понятие «панисламизм» в данной статье рассмотрено с точки зрения российских политиков, которые считали, что идейное влияние младотурков на российских, в частности туркестанских мусульман, способствует к развитию антиимпериалистического движения против Российского государства и сплочению всех мусульман под единым флагом османского султана.

В данной статье приводятся предварительные анализы материалов турецких периодических изданий, а также политика русских властей в Туркестане, в которых даны общие и аналитические сведения о развитии политического и интеллектуального тенденций в Туркестане в начале второй декады XX века. В рамках исследования, в основном, были привлечены к анализу материалы газет «Сирати Мустаким», «Тааруфи Муслимин» и «Хикмет», которым имели доступ туркестанские мусульмане.

Кроме того, в данной статье, в основном, приведены предварительные попытки дать определенную оценку взглядам, а также выявить основные идеологические аспекты русских властных структур и османского общества, их отношение к политическому и интеллектуальному тенденциям в Туркестане. Также, к анализу привлечены материалы, отправленные туркестанцами, которые через свои взгляды старались дать оценку политическим и интеллектуальным тенденциям в их родине. Эти предварительные

попытки изучения взгляда турецкой прессы на развитие реформистских тенденций также вносит определенную ясность пониманию и объективной оценке происходившим событиям в Туркестане в начале 20-го века.

Ключевые слова: История Туркестана, Российская империя, Османское государство, панисламизм, пресса, политика.

Введение

Конец 19-го начало 20-го веков стала переломным моментов в истории мусульманских стран Востока. Мусульмане стали осознавать свое истинное положение и начали искать пути выхода из политической и интеллектуальной стагнации. В частности, интеллектуальный потенциал в мусульманских обществах пришел в упадок, из которого можно было выйти лишь осуществив настоящую революцию в умах и сердцах.

Невежество, как считали все мусульманские интеллектуалы того времени, стала основной причиной политического кризиса всего мусульманского мира. В итоге, в начале XX века большая часть Востока попала под господства Запада. Некогда самая могущественная империя, считавшая себя повелителем всех мусульман – Османское государство боролась за сохранение государственности. Огромные территории, некогда находившиеся под его властью, обрели независимость с помощью великих держав Запада или отделились от него, объявив себя независимыми.

После завоевания Туркестана Российской империей его территория, в политическом плане, состояла из Русского Туркестана и полунезависимых Бухарского и Хивинского ханств. Последние, хотя потеряли политическую независимость, но, согласно договорам о союзнничестве, сохранили внутреннюю политическую и экономическую независимость. Развитие на этих территориях политических и интеллектуальных тенденций приобрело реальный характер только в начале 20-го века. В это время весь мусульманский Восток находился уже в определённой стадии политико-социальных реформ, которая возникла еще во второй половине 19-го века. Последние события революционного характера в самом начале 20-го в соседнем Иране и Османской империи, а также политические события в самой Российской империи, в некотором смысле, усилили и дали определенный толчок развитию политической мысли и началу обновленческих реформ в общественной жизни мусульман Туркестанского края.

Туркестан, с самого начала его захвата Российской империей, до 1917 года находился на военном положении и по юрисдикции подчинялся Военному министерству. Военное министерство и управлявшие Туркестаном военные имели самостоятельные сети информаторов и самостоятельно отслеживали, и оценивали социально-политическую ситуацию в крае, а также собирали информацию о «активных» туземцах. Кроме того, самостоятельный сбор политической информации вело и Российское политическое агентство в Бухаре в интересах Министерства иностранных дел. Однако, у этих ведомств не хватало финансов ресурсов на создание полноценной сети агентов и информаторов. Российские власти ощутили эту неполноценность после народных восстаний 1892 и 1898 годах в Ташкенте и Ферганской долине. Именно нехватка профессиональных полицейских кадров была основной и формальной причиной появления в 1907 году Туркестанского Районного Охранного Отделения.

Внешний мусульманский фактор, особенно появление периодической печати, особенно волновало русских политиков. Они принимали эту ситуацию первостепенной угрозой безопасности русским интересам в Центральной Азии. Иностранная периодическая печать, полученная разными путями, в основном распространялась среди джадидов. Кроме того, мадраса, контролировавшая улама-консерваторами, по мнению русских политиков, представляла гораздо более опасность чем малочисленные джадиды. По соображениям русских властей, консервативные студенты медресе и улема считались более приверженными и потенциальными распространителями возможной «панисламистской» турецкой пропаганды от лица Османского султана.

Распространение джадидского движения и его идей в крае в начале 20-го века, а также политическая обстановка и интеллектуальная среда в Туркестане стали объектами обсуждения не только в правительственных кругах Российской империи, но и на страницах русской и мусульманской периодической печати. В частности, кроме «Тарджумана» и «Вақыт» в России, турецкая печать, возникшая после 2-ой Конституционной революции 1908 года, стала больше обращать внимание на социально-политическое и экономическое положение туркестанских мусульман. Эти периодические издания, исходя из своего политического направления, печатали, в большинстве случаев, аналитические, обзорные материалы информационного характера и получаемые письма от местных интеллектуалов.

«Панисламизм» или политика царизма в Туркестане

Туркестанская администрация с самого начала выступила против каких-либо изменений существующего положения на местах и проводила устойчивую политику в этом деле. Но стремительно развивавшееся в последнюю декаду XIX века движение, известное под названием «джадидизм» среди мусульман России, вызывало тревогу и озабоченность российского правительства. В самом начале XX века по личной инициативе министра внутренних дел Дмитрия Сипягина (1853-1902) был отправлен циркуляр губернаторам областей с целью подробно узнать о сути джадидского движения, а также сбора необходимой информации о настроении мусульман и их деятельности.¹ Администрация Туркестанского генерал-губернатора получила этот циркуляр 31 декабря 1900 года за номером 13444. Канцелярия генерал-губернатора доверила исполнение циркуляра Николаю Остроумову (1846-1930) для подготовки соответствующего ответа на поставленные вопросы.² В частности, Управляющий Канцелярией Туркестанского генерал-губернатора в своей записке Николаю Остроумову пишет: «Препровождая, с разрешения Г.И.Д. Главного Начальника края, копию секретного циркуляра Министерства Внутренних Дел, от 31 декабря с.г., за № 13444, имею честь просить Ваше Превосходительство почтить меня своим отзывом, для доклада Его Высокопревосходительству, относительно значения и смысла, какие возможно ожидать от нарождающегося в среде татарского населения России прогрессистского движения».³

В циркуляре Центральное правительство на основе полученных информации от Департамента полиции высказывает свои опасения в том, что за последнее время в татарской литературе замечаются совершенно новые веяния, грозящие расшатать весь многовековой уклад жизни свыше 14-миллионного мусульманского населения русского государства и дающие возможность предполагать о готовящемся в жизни сего населения серьезном переломе. По сведению Департамента

¹ M. Farkhshatov, *Samoderzhavie i traditsionnye shkoly bashkir i tatar v nachale XX veka (1900 – 1917 gg.)* (Ufa: Gilem, 2000), 132.

² Sharif Yusupov, *Xudoyorxon va Furqat* (Toshkent: Sharq, 1995), 86; H. Sodiqov va boshq., *O'zbekistonning yangi tarixi. Birinchi kitob. Turkiston chor Rossiyasi mustamlakachiligi davrida* (Toshkent: Sharq, 2000), 260.

³ Sh. Turdiev, “Rol Rossii v podavlenii dzhadidskogo dvizheniya (po materialam arkhiva SNB Uzbekistana)”, Accessed 24.12.2007, http://www.ca-c.org/journal/13-1998/st_15_turdiev.shtml.

полиции, это течение первоначально возникло после издания в 1884 году в Крыму учебника Исмаила Гаспринского (1851-1914) «Хаджаи сибйан», составленного по европейской звуковой системе, значительно облегчающей усвоение татарскими детьми татарской и арабской грамоты и сокращающей время обучения. В циркуляре говорится, что учебник Гаспринского завоевал среди татар все права гражданства, отодвинув на задний план мулл, в руках коих до того времени сосредоточилось обучение всего татарского населения. Наряду с этим распространялись и новые прогрессистские веяния, не замедлившие превратиться в целое умственное и общественное движение, отразившееся в татарской литературе зарождением двух новых течений: одного – отстаивающего старые традиции, а другого – служащего проводником в жизнь русского татарства новых идей прогресса и культуры. Poleмика между сторонниками этих двух течений сразу сильно обострилась и, вместе с тем, приняла национальный, общественный и культурный характер.⁴

В циркуляре описываются все главные вопросы реформистского движения, т.е. призыв мусульманского населения России к образованию, к приобретению практических познаний как в области ремесел и промышленности, так и в изучении иностранных языков, дабы оно было культурно и богато; приглашение своих единоверцев не в единую общеобразовательную школу, т.е. в русские гимназии и высшие учебные заведения, а в «особые татарские рассадники высшей мудрости», где европейская наука должна сочетаться с Кораном и преподаваться на татарском языке; необходимость осмыслить свою веру, очистив ее от суеверий и невежественных толкований мулл и укрепив свою народность, расширяя область применения родного языка в литературной, научной и религиозной среде и вообще хлопотать о прогрессе на почве ислама и тюркской народности и т.д. И далее: несмотря на то, какая из этих групп «останется победительницей и какие будут, с точки зрения интересов русской государственности, результаты победы, ...они будут стараться отчуждать мусульман от России». Далее, в пример приводится Андиганское восстание в 1898 году и предостережение чтобы губернаторы бдительно относились ко всяким движениям и настроениям в среде мусульманского населения России и заблаговременно, как можно детальнее и полнее ознакомились с такими движениями.⁵

⁴ Sh. Turdiev, "Rol Rossii v podavlenii ..."

⁵ Sh. Turdiev, "Rol Rossii v podavlenii ..."

Министерство внутренних дел, считая «необходимым всесторонне осветить вышеуказанное начинающееся движение как для выяснения действительного характера и конечных его целей, так и его значения в общегосударственном смысле», распоряжается собрать следующую информацию:

1) выяснить среди мусульманского населения вверенного им района лиц, выступающих в татарской литературе в качестве авторов новаторских сочинений;

2) собрать подробные сведения о них, об их общественном и имущественном положении, а также о связях в мусульманской среде и о том, где они получили образование;

3) установить, существует ли связь между сторонниками нового движения и младотурками, и не вдохновляются ли они из Турции, или иного заграничного мусульманского центра;

4) выяснить, где и кем основаны в пределах вверенного им района мусульманские школы с преподаванием по новым методам, кто состоит в них преподавателями и под чьим заведованием и контролем такие школы находятся.⁶

Кроме того, Андиганское восстание в 1898 году во главе с Дукчи Ишаном также стало причиной волнения не только Туркестанской администрации, но и МВД России.⁷ Министр внутренних дел Дмитрий Сипягин отправил циркуляр от 31 декабря 1900 года, помимо губернаторов областей, и в Министерство иностранных дел. Это означало серьезность возникшего положения. По мнению Дмитрия Арапова, правительство начало искать причины поднявшихся в стране новых волнений среди мусульман из заграничных центров «вражеской интриги».⁸ Ответ на запрос Сипягина был подготовлен тогдашним русским послом в Турции Иваном Зиновьевым⁹ (1835-1917). Иван Зиновьев в своем ответе высказал свои глубокие сомнения в том, что развертывавшееся в России мусульманское движение «могло почерпнуть вдохновение» из какого-либо внешнего «мусульманского центра», и

⁶ Farkhshatov, *Samoderzhavie i traditsionnye shkoly*, 134.

⁷ P. Litvinov, *Gosudarstvo i islam v Russkom Turkestane (1865 – 1917) (po arkhivnym materialam)* (Yelets, 1998), 68 – 69.

⁸ D. Arapov, T. Kotyukova, “Arkhirnye materialy Ministerstva vnutrennikh del Rossiyskoy imperii o musulmanskom dvizhenii nachala XX veka”, Accessed 15.08.2008, http://www.kennan.ru/index.php/corporate/media/islam_conf/node_361/xix_xx

⁹ Более подробно о жизни Зиновьева см.: *Ocherki Ministerstva inostrannykh del Rossii*, Т.1 (Moskva: Olma-Press, 2002), 446-447.

полагал, что его следует рассматривать как явление «совершенно самостоятельное», обусловленное «местными обстоятельствами».¹⁰

Как видно, действия российских властей в начале XX века явно свидетельствуют об их обеспокоенности настроениями мусульман империи. Эта обеспокоенность властей положила начало тотальным розыскно-расследовательным работам среди мусульманского населения.

Вследствие такой политики Департамент полиции МВД организовал в Туркестане Туркестанское районное охранное отделение, которое усилило надзор за местной интеллигенцией. В 1907 – 1917 годах оно ведало политическим розыском в крае. Его деятельность распространялась на Сырдарьинскую, Самаркандскую, Семиреченскую, Закаспийскую и Ферганскую области, вассальные от России Бухару и Хиву.¹¹ В декабре 1910 года в ответ на информационное письмо начальника Туркестанского районного охранного отделения об усилении в Бухаре панисламистского движения особый отдел Департамента полиции МВД разослал предписание всем начальникам региональных отделений. В предписании разъяснялся смысл панисламистского движения, и предлагались определенные меры по наблюдению за деятелями этого движения. По данным Департамента полиции, некоторые выдающиеся турецкие и русские мусульманские публицисты, увлеченные идеей создания религиозного единства, «стали горячо пропагандировать панисламизм и занялись изысканием племен, принадлежащих к одной с ними расе, в целях присоединения их к общей мусульманской федерации».¹² Из этих соображений все туркестанские джадиды были на особом учете Туркестанского районного охранного отделения.

В 1904 году царское правительство начало разрабатывать новые правила для мусульманского населения страны, направленные на устранение всякого стеснения в быту для мусульман.¹³ В итоге большая часть «Закона о веротерпимости», принятого 17 октября 1905 года, была посвящена мусульманам.¹⁴ Как писал Василий Бартольд (1869-1930), «правительство на практике наибольшее внимание уделяло лишь

¹⁰ Arapov, Kotyukova, "Arkhivnye materialy..."

¹¹ Arapov, Kotyukova, "Arkhivnye materialy..."

¹² D. Arapov, *Musulmanskoe dvizhenie v Sredney Azii 1910 goda (po arkhivnym materialam Departamenta politsii Ministerstva vnutrennikh del Rossiyskoy imperii)*. Sbornik Russkogo Istoricheskogo obitshestva (Moskva, 2002), T.5 (153), 127-134.

¹³ D. Arapov, *Islam v Rossiyskoy imperii (zakonodatelstvennye akty, opisaniya, statistika)* (Moskva, 2001), 175.

¹⁴ *Islam v Rossiyskoy imperii*, 175-182.

вопросам применения русского языка и наименьшее – вмешательству в дела религии, тем самым, ратуя за преодоление национальной ограниченности».¹⁵ Естественно, такие политики как Николай Остроумов и Михаил Миропиев (1852-1919) не поддерживали такой курс государственной политики. Как отмечалось, они предлагали полное вмешательство в религиозные дела мусульман.

По мере развития джадидского движения в Туркестане, как и в других регионах, самым главным оппонентом против него выступило консервативно настроенное духовенство. Это разногласие туркестанская администрация «пыталась направить в свою пользу: поддерживая одни группы и считая их преданными России, она принимала от «мусульман-староверов», т.е. традиционных суннитов, доносы на их «прогрессивных» единоверцев».¹⁶ Такой метод властей Туркестана дал свои плоды: в некоторых регионах края духовенство стало одерживать победу над своими оппонентами-прогрессистами.

Особое значение чиновники царского МВД придавали газете Исмаила Гаспринского «Тарджуман». Это издание во властных структурах империи оценивалось как «главный орган панисламизма в России».¹⁷ Такую оценку можно увидеть и в работах и статьях Николая Остроумова.¹⁸ Царские власти особо подчеркивали возникновение в среде мусульманского населения империи специальной панисламистской печати с тенденцией создать общий для всех мусульман тюркский язык, который, будучи понятен как туркам, так и татарам, объединил бы собою все тюркские народности в одну великую нацию.¹⁹ В частности, Туркестанская администрация обращала особое внимание на этот вопрос, так как почти половина мусульманского населения империи проживала на территории края.

Царские чиновники особо подчеркивали, что Исмаил Гаспринский и его последователи, как называла официальная власть, «панисламисты», «признавая школу одним из могучих средств распространения среди мусульманского населения идей панисламизма, обратили все свое внимание на начальные училища (мактабы) и высшие школы (медресе), стремясь сделать из них национальные учебные заведения без

¹⁵ V.V. Bartold, *Islam. Sochineniya. T.6.* (Moskva: Nauka, 1966), 136.

¹⁶ Bartold, *Islam*, 136.

¹⁷ Arapov, Kotyukova, “Arkhivnye materialy...”

¹⁸ См.: N. Ostroumov, *Koran i progress. Po povodu umstvennogo probuzhdeniya sovremennykh rossiyskikh musulman* (Tashkent: Tipografiya Shtaba Turkestanskogo voennogo okruga, (1901 – 1903).

¹⁹ Arapov, *Musulmanskoe dvizhenie v Sredney Azii...*, 130-132.

преподавания в таковых русского языка, где воспитанникам учителями (муаллимами) прививаются идеи панисламизма для подготовки кадров будущих проповедников и вместе с тем вселения ненависти к правительству и всему русскому».²⁰ Следует признать, что одним из основных пунктов письма Исмаила Гаспринского с предложениями по реформе мусульманских образовательных учреждений, направленного Туркестанскому генерал-губернатору Александру Вревскому (1834-1910), было внедрение русского языка и изучение русской культуры в учебные программы этих учреждений. Об этом было сказано выше. Как видно, царские чиновники сильно драматизировали действия и характеризовали джадидское движение полностью враждебной Российской государственности, предписывали ей вышеуказанные деяния.

Турецкое влияние и царская полиция Туркестана

В начале XX века российская царская власть начинает испытывать беспокойство за своих инородцев вследствие «брожения» политических сил в сопредельных государствах. Такая политическая сила в Туркестане, по мнению чиновников особого отдела Департамента полиции, сформировалась на почве панисламизма и преследует создание единого мусульманского государства во главе с Турцией. По видению русских чиновников, эта идея распространялась в начальных школах и медресе, а также через различные мусульманские общества, издательства и прессу.²¹ Поэтому власти на местах с различными трактовками, в основном, с антигосударственной формулировкой, старались закрыть мусульманские газеты, общества, а также всячески ограничивали их деятельность.

Начальник Туркестанского Районного Охранного Отделения в своей докладной записке, отправленного Туркестанскому генерал-губернатору от 9 декабря 1910 года, анализируя положившееся ситуация в Бухарском ханстве, подчеркивает, что бухарское население подверглось в течении последних лет усиленному давлению с одной стороны, партии молодых бухарцев, агитирующих за низвержение эмирского правительства и с другой стороны, «могучего панисламского движения», набирающего оборот в Турции и Афганистане.

²⁰ Арапов, *Musulmanskoe dvizhenie v Sredney Azii...*, 132.

²¹ *Rasy i narody. Sovremennyye etnicheskie i rasovyye problemy. Yezhegodnik. Vyp. 32.* (Moskva, 2006), 281-282.

Кроме того, он, рассуждая об угрозе панисламизма, пишет, что пропаганда исламизма, исходящая из Турции, все больше влечет мусульманское население Бухары в сторону Турции и Афганистана.

В этой докладной записке также дается подробная информация об неких турецких эмиссарах Константинопольского Просветительного Общества. Здесь, видимо, подразумевается созданная в конце 1909 года в Стамбуле «Бухара Тамими Маариф Жамиати Хайрияси» (Бухарское благотворительное общество распространения знания)²², которая оценивалась чиновниками российской полиции как общество, преследующее цель дать молодежи Туркестана и Бухары панисламистское образование.²³ По утверждению начальника Туркестанского Районного Охранного Отделения, турецкие эмиссары, посещая русский и китайский Туркестан, имеют совершенно определенную задачу - проповедовать идеи панисламизма и воссоединение всех мусульман под знаменном обновленной Турции.²⁴

Как видно, служба охраны Туркестана пристально следила за действиями джаидов Туркестана. Среди ташкентских джаидов особо выделяются Мунавваркары Абдурашидханов (1878-1931) и Абдулла Авлани (1878-1934). Они были зарегистрированы Туркестанским Районным Отделением Охраны как «ярые панисламисты», которые регулярно проводят «прогрессивные собрания» среди различных слоев населения города Ташкента. На этих собраниях, по утверждению полиции, «собирался цвет местной мусульманской интеллигенции». Мунавваркары, как описывала его охранка, являлся ярким типом современного мусульманского политического деятеля. Он – прогрессист,

²² Более подробно см.: *Bukhārā Ta'mīm-i Ma'ārif Jam'iyati Khayriyasining Nizāmnāma va Khatt-i Harakatidir. Ta'rikh-i ta'sīsi 11 Şawwal 1327. Markazi: Dāri Sa'ādat Wazirkhān* (Istanbul, 1327). Этот Устав общества был переведен на русский, французский и английский языки в разные годы с сокращениями. Полный вариант Устава на оригинале и в переводе на английский язык с его факсимиле был опубликован в 2001 году Тимуром Кочаоглу (Timur Kocaoglu). О разных переводах Устава см.: А. Arsharuni, Kh. Gabidullin, *Ocherki panislamizma i pantyurkizma v Rossii* (Moskva, 1931), 133-135; Héléne Carrère d'Encausse, *Réforme et révolution chez les musulmans de l'empire russe* (Paris: Libraire Armand Colin, 1966), 286-288; Héléne Carrère d'Encausse, *Islam and the Russian Empire. Reform and Revolution in Central Asia (Comparative studies on Muslim societies)* (University of California Press, 1988), 194-196; Timur Kocaoglu (ed.). *The Reform Movements and Revolutions in Turkistan (1900 – 1924)* (SOTA. – Haarlem, 2001), 467-483; Hamidulla Boltaboev. *Fitrat va jadidchilik* (Toshkent, 2007), 255-258.

²³ *Rasy i narody...*, 282.

²⁴ “Dokladnaya zapiska ob ugroze vozniknoveniya revolyutsionnoy situatsii v Bukhare v svete aktivnosti turetskikh i afganskikh agentov v Khanstve (usl.). TSGA RUz, F. I-2, Op. 31, D. 726/19”, Accessed 17.07.2008, <http://zerrspiegel.orientphil.uni-halle.de/t1157.html>.

бывший редактор газеты²⁵, закрытой генерал-губернатором за вредное направление.²⁶ Мунавваркары, как и Махмудходжа Бехбуди (1874-1919), идейный лидер самаркандских джадидов, именно в это время особо выделяется своими статьями, призывающими основывать разные общественные организации. Мунавваркары во многом был «двойником» Бехбуди в Ташкенте.²⁷

Вышеупомянутое бухарское общество в Стамбуле, как указано в Уставе, было создано для распространения знаний и создания школ в Туркестане, в частности в Бухаре. Общество не ставило перед собой никакой политической цели и не поддерживало какую-либо политическую силу в регионе. Но студенты, обучавшиеся под покровительством этого общества, были обязаны после окончания учебы направляться туда, куда отправит их руководство Общества. Если студент был против, он должен был возратить Обществу все затраты на обучение.²⁸ Судя по намеченной цели Общества, можно предположить, что оно преследовало создание в Туркестане такого интеллектуального и элитного слоя, который будет подконтрольным центральному органу в Стамбуле. Именно это волновало Департамент полиции. Как пишет Садриддин Айни (1878-1954), консервативное духовенство Бухары тоже пользовалось таким ходом дела. Они распространяли слухи о том, что благотворительные общества – это политические общества, которые ведут и пропагандируют антигосударственную политику; прогрессисты читают турецкие газеты и имеют тайные связи с политиками Турции.²⁹

Туркестан в большой политике

Среди обозревателей туркестанских новостей в турецкой печати особо отличается Ахмад Таджуддин из Троицка. Его критическое отношение к туркестанским полунезависимым правителям и богословам отличается от других своей горечью и остротой. Он называет бухарского эмира самым злосчастным правителем в мире, который полностью уничтожил «трон справедливости» великого Тимура. По его мнению, именно Абдулахад привел страну в такое положение и она переживает свои последние дни. Ахмад Таджуддин видит основную причину этой провальной политики в неспособности эмира управлять страной и

²⁵ Имеется ввиду газета «Хуршид», основанная Мунавваркары в 1906 году.

²⁶ *Rasy i narody...*, 290, 294.

²⁷ Adeeb Khalid. *The Politics of Muslim Cultural Reform: Jadidism in Central Asia* (Berkeley: University of California Press, 1998), 95.

²⁸ *Bukhārā Ta'mim-i ...*, 6-7.

²⁹ Sadriddin Ayni. *Ta'rix inqilobi Buxoro* (Dushanbe: Adib, 1987), 36-37.

полной передачи власти в руки группе невежд, у которых даже нет малейшего знания в политических делах. Как он утверждает, в стране нет способного человека, который мог бы осознать в каком положении находится страна. Ахмад Тажуддин, анализируя вышеприведенное письмо корреспондента газеты в Бухаре, задается вопросом как можно понимать и оценить беспрепятственное движение русских чиновников по стране, которая хотя является вассалом, но все-таки сохранившей внутреннюю политическую и экономическую независимость и собирать статистические данные о населении, о налогах, перечисляемых в казну, составлять подробные карты местностей и закреплять их фотоснимками? Он рассматривает и оценивает вмешательство российских властей во внутренние дела Бухарского ханства как агрессию со стороны Российской империи. При этом, он упрекает и критикует османское правительство в том, что она не способна на это обратит внимание и даже направить хотя бы протест российской стороне. Заинтересованность российских властей в изучении отношения шариата к современным общественно-политическим тенденциям и принятию по этим вопросам шариатских решений (фатва) Ахмад Тажуддин рассматривает как политический вопрос, который станет краеугольным камнем в узаконивании политических решений, принимаемых российской стороной в отношении ханства. Как он утверждает, фетва, получаемые по вопросам, интересующим российские власти, это не те решения, которые можно сегодня издать, а завтра отменить. По этому, муфтиям Бухары нужно быть запредельно осторожным в своих ответах. Так как, эти решения завтра могут стать законом, который нельзя отменить.³⁰

Ахмад Тажуддин, анализируя политическую обстановку в регионе, обращает внимание на русско-афганские отношения и влияние этих отношении на регион, в частности на Бухарское ханство. Письмо, отправленное афганским правительством к Туркестанскому генерал-губернатору об определении стороны, с кем должны обсудить вопрос о демаркации границ, по мнению Ахмада Тажуддина, показывает сильное ослабление русской политики и значительное потери позиций России в регионе. В частности, отмечает Тажуддин, основной причиной этому послужила поражение России в русско-японской войне и соседние государства хотят воспользоваться этим случаем.³¹ По мнению

³⁰ Aḥmad Tāj al-Dīn Trāisklī, “Badbakht ḥukmdār, zawallī Bukhārā ...!” *Ta’aruf-i Müslimīn* 1/3 (1328): 43-46.

³¹ Aḥmad Tāj al-Dīn Trāisklī, “Afgḥānistān – Bukhārā” *Ta’aruf-i Müslimīn* 1/8 (1328): 128-129.

Таджуддина, если российские власти раньше смотрели на Бухару как на источник экономического обогащения, то с недавних пор стали часто вмешиваться во внутренние дела Бухары и начали рассматривать его как один из областей в составе России. Россия начала изменять свою политику в регионе, потому что стало ясно – она теряет свою позицию. Таджуддин приводит две основные причины изменения политической тактики России в Туркестане. Во-первых, постепенное пробуждение местного населения и набирающий оборот джадидского движения. Во вторых – Афганистан. По мнению Таджуддина, Афганистан, воспользуясь поражением России в русско-японской войне, может объявить войну России. Именно эта угроза побудила Россию взять внутренние дела Бухары под свой контроль. Афганистан, по определению Таджуддина, очень хорошо понимает эти политические шаги России и в вопросе демаркации границ напрямую обратилась к Бухарскому правительству. Бухара, отмечает Таджуддин, на этот раз стала разменной монетой между Россией и Афганистаном. В регионе может вспыхнуть война и эта угроза может положить конец Бухарской государственности.³²

Афганский вопрос, особенно контрабанда огнестрельного оружия стал краеугольным вопросом в правительственных кругах Российской империи. Так, в «Докладной записке об угрозе возникновения революционной ситуации в Бухаре в свете активности турецких и афганских агентов в Ханстве», отправленного начальником Туркестанского районного охранного отделения на имя генерал-губернатора Туркестана, особо утверждается, что в слабо охраняемых участках сухопутной границы между Бухарой и Афганистаном, стали местами «непрерывного торгового и иных сношений с населением Бухары». По утверждению начальника, Афганистан, наравне с русскими заводами, снабжает Бухару американским огнестрельным и холодным оружием, идущим контрабандным путем. Охотничьи карабины, а также масса разных систем револьверов, по определению начальника, представляют достаточно опасную ситуацию в бухарских городах и кишлаках с невероятно узкими и глухими постройками, представляющими как бы закрытые редуты.³³

Царские власти, как видно, достаточно подробно изучали все действия не только иностранцев, посетивших Бухару или другие регионы Туркестана, но и местных жителей, тесно контактировавших с

³² Träiskli, "Afghānistān – Bukhārā"..., 132.

³³ "Dokladnaya zapiska ob ugroze ..."

ними. Все эти действия русских были направлены на предотвращения возникновения всяких революционных ситуаций в регионе, которые в какой-то степени могли бы затронуть интересы российского государства в регионе.

Вассальные ханства: государство или область

В конце XIX – начале XX века туркестанские местные чиновники и богатые промышленники очень часто делали крупные пожертвования русским правительственным и другим учреждениям. В частности, в этом деле отличаются бухарские эмиры Абдулахад и Алим. Во время русско-японской войны на нужды российской армии Абдулахад в общей сложности пожертвовал более 1,5 миллиона рублей.³⁴ Алимхан тоже не отставал от своего отца: в первую мировую войну он пожертвовал 1 миллион рублей в пользу раненых русских солдат.³⁵ За эти заслуги перед Российским государством он удостоился звания генерал-лейтенанта русской армии и был утвержден генерал-адъютантом императора.³⁶ Кроме того, Абдулахад пожертвовал значительные суммы для открытия русских школ в Ташкенте, Бухаре, а также нуждающемуся населению некоторых регионов России.³⁷ Пожертвования «на нужды России» со стороны эмира оценивались как укрепление дружественных отношений между Бухарой и Россией.³⁸ Но на самом деле русские смотрели на такие действия эмира с опаской и недоверием. Тем временем бухарский народ не настолько привлекал внимание эмира в плане благотворительства. Наоборот, народ облагался разными обременительными налогами для покрытия эмирских расходов. Эта ситуация волновала русское правительство в плане возникновения нестабильной ситуации в регионе.³⁹ Гаспринский, упрекая Абдулахада, писал, что от благотворительности эмира нет пользы бухарскому народу. За малую

³⁴ Более подробно см.: “Bukhārā amirining ḥadyasi” *Tarjūmān* 13 (1904); [Bukhārā amīri...] *Tarjūmān* 34 (1904); [Imperatör wali’ahdi...] *Tarjūmān* 65 (1904); “Bukhārā amīri” // *Tarjūmān* 1 (1905).

³⁵ В.Т.О. “Bukhārā amirining i’ānasi” *Tarjūmān* 230 (1914).

³⁶ “Janāb-i ‘āliy Bukhārā amīri Sayyid Mir ‘Ālimkhān ḥazratlari nāmīna sādīr ölinmiş farmān-i imperatōriy” *Tarjūmān* 7 (1916).

³⁷ “Tanai ‘Abdulahādkhān” *Tarjūmān* 4 (1892); “Taşkand” *Tarjūmān* 20 (1893).

³⁸ “Doklad MID. TSGA RÜz, F. I-2, Op. 31, D. 251/18”, Accessed 17.07.2008, <http://zerrspiegel.orientphil.uni-halle.de/t1157.html>.

³⁹ “Dokladnaya zapiska ob ugroze ...”; “Doklad o polozhenii zemledeltsev v Bukharskom khanstve (usl.). TSGA RÜz, f. I-2, Op. 31, D. 723/33”, Accessed 17.07.2008, <http://zerrspiegel.orientphil.uni-halle.de/t1157.html>; “Programma voprosov. TSGA RÜz, F. I-2, Op. 31, D. 251/24”, Accessed 17.07.2008, <http://zerrspiegel.orientphil.uni-halle.de/t1157.html>.

часть этих пожертвований можно было подготовить несколько грамотных людей для государственных нужд, которые могли развивать государственные дела в нужном направлении.⁴⁰

Абдулахад, кроме укрепления дружественных отношений с Россией, старался наладить хорошие связи с Османской империей. Бесспорно, все эти действия эмира контролировались Российским политическим агентом. Тем не менее, Гаспринский, основываясь на сообщении «Berlin Tagblatt», пишет, что Абдулахад пожертвовал на Хиджазскую железную дорогу, которая строилась турецким султаном, 160000 рублей.⁴¹ Этот поступок Абдулахада можно оценить по-разному. Во-первых, он старался показать и себя, как турецкий султан – покровителем мусульман. Во-вторых, он, наверное, оправдывался за свое унижительное поклонение перед русскими. Русские чиновники опасались бухарского эмира из-за того, что он, показывая свою беззаветную преданность России крупными пожертвованиями, делает такие же пожертвования и на Хиджазскую железную дорогу и на строительство Петербургской мечети.⁴²

Хивинские ханы были скромнее своего соседа в щедрости к русским. Тем не менее, они тоже в разное время делали пожертвования деньгами и натурой в пользу солдат русской армии.⁴³

В самом начале 10-ых годов XX века русская пресса сильно лоббировала идею ликвидации вассальных и полунезависимых среднеазиатских ханств. Лидером в этом направлении особо выделялась официальный печатный орган русского правительства «Новое время». Нур Ализаде Гиясуддин Хусни, анализируя полемики в русской печати о ликвидации Бухарского ханства как государства, излагает мнение, что осуществляемые дела христианского мира против мусульманства возбуждает в сердце каждого мусульманина чувства мести.⁴⁴ Это слова можно трактовать как общий тон турецкой печати, которая всеми способами старалась возбудить мусульманский мир и начать полноценную борьбу против господства Запада. Это борьба заключалась в овладении западной науки и наступать против Запада путем прогресса.

⁴⁰ Ismā'īl, "Bukhārā" *Tarjūmān* 49 (1896).

⁴¹ [Bukhārā amīri...] *Tarjūmān* 9 (1901).

⁴² "Zapiska s predlozheniyami yuridicheskogo i fakticheskogo prisoedineniya Bukharskogo i Khivinskogo khanstv k Rossiyskoy imperii (usl.). TSGA RUz, F. I-2, Op. 31, D. 723/16", Accessed 17.07.2008, <http://zerrspiegel.orientphil.uni-halle.de/t1157.html>

⁴³ [Khiva khāni...] *Tarjūmān* 57 (1904); "Bukhārā va Khiva khānlari" *Tarjūmān* 70 (1904); "Taškent" *Tarjūmān* 89 (1904); [Khiva khāni...] *Tarjūmān* 84 (1906); "Khiva" *Tarjūmān* 160 (1913).

⁴⁴ Nūr 'Alizāde Ghiyāth al-Dīn Ḥusnī, "Bukhārā" *Şirāṭ-ı Müstaqīm* 102 (1326): 412.

В одной из статей газеты «Новое время» анализирована торговое отношение России с Афганистаном. Как утверждает Нур Ализаде Гиясуддин Хусни, газета, после анализа российско-афганских торговых отношений пришла к заключению, что Бухара препятствует развитию этих отношений своей таможенной и действиями отдельных чиновников на границе. Русские называют несправедливым взимание таможенной пошлины со стороны бухарской таможни и ссылаются на то, что это прямое нарушение 6-7-пунктов договора между Российским государством и Бухарским ханством. Гиясуддин Хусни, рассуждая и анализируя мнение русской газеты, задается вопросом: неужели бухарцы взяли на себя ответственность бесплатно доставить русский товар до границ Афганистана? В каком уголке мира есть такая несправедливость? И сам же отвечает, что такая несправедливость может быть только в «беспечной заботе», которую осуществляют русские власти в отношении мусульман.⁴⁵ Хусни продолжая анализ статьи, приходит к выводу, что русские таким способом хотят возместит тот ущерб, которую они понесли в Иране. Так как иранцы стали бойкотировать русский товар, русская торговля почти остановилась понесла большие убытки. По мнению Хусни, если русские совершат это «преступление», то они вообще могут потерять свою торговлю в Афганистане. Так как афганцы больше доверяют бухарцам нежели русским. В конце своих рассуждений Хусни советует прекратить такие провокационные действия в отношении Бухары, если русские хотят поставлять свой товар в Афганистан.⁴⁶

Хусни довольно часто обращается к русской печати для анализа политического и социального положения в Туркестане. В очередной раз, он анализирует статью ташкентской газеты «Средняя Азия», в которой было написано о тотальном бесправии бухарского народа и всевластии чиновников, которые неустанно совершают злодейство против простого народа. В конце статьи было предложено ликвидировать Бухарское ханство, полностью присоединить России и провести социально-политические реформы. Хусни, рассуждая на эту тему пишет, что если все то, что была написана в газете правда, то вся ответственность ложится на плечи богословов Бухары, управление которого основана на законах шариата. Они, для сохранения бухарской государственности, должны немедленно прекратить бесполезные интриги и обратить внимание на развитие страны. В конце своих слов Хусни пишет, пусть вся пресса,

⁴⁵ Husnī, “Bukhārā” ... : 413.

⁴⁶ Husnī, “Bukhārā” ... : 413.

которая служит русской политике, узнает, если будет ликвидирована Бухарское государство, то это будет началом борьбы всего мусульманского мира против России.⁴⁷

В конце января 1910 года министр иностранных дел Российской империи в своей записке Туркестанскому генерал-губернатору особо отметил, что прежде чем объявлять от имени новых ханов вассальных Бухары и Хивы о новых реформах в этих государствах, русское правительство твердо должно решить вопрос «будет ли присоединена к России вообще» эти земли. По мнению министра, «при твердо и ясно постановленном решении этого вопроса можно сказать какие именно реформы нужно проводить в ханстве на каких необходимо особенно резко настаивать. Если по политическим или иным соображениям представляется желательным и в будущем продолжать самостоятельное существование Бухары, то в основу проводимых реформ нужно положить иные принципы, чем решения противоположные. Так, если мы решим, что Бухара должна быть присоединена к России и это лишь вопрос времени, обусловленный данным политическим моментом, то в основание реформ должно быть положена эта идея и все мы должны служить для подготовки возможно бескровного, без всяких потрясений, слияния территории Ханства с соседними областями Туркестанского генерал-губернаторства.»⁴⁸

Далее, в этой записке, министр более подробно излагает свою мысль на счет отклика международного сообщества, в частности афганского и индийского правительств, которые контролировались Англией, на юридическую сторону полного присоединения Бухары. При этом, министр, анализируя российскую политику в отношении Бухары, отмечает, что Россия до настоящего времени не придавало большого значения вмешательству во внутренние дела ханства. Такая политика власти, по мнению министра, привело к печальным последствиям, указывая на суннитско-шиитскую резню в самом начале 1910 года. Министр упрекает Российского Политического Агентства в Бухаре в том, что оно «порвало всякую живую связь со страной, в которой оно находится и сделал Политического агента скорее всего Министром двора Эмира Бухарского, а не представителем и защитником наших государственных интересов».

Принцип невмешательства российских властей во внутренние дела Бухары, по утверждению автора докладной записки, обусловлена только

⁴⁷ Husnī, "Bukhārā" ... : 413.

⁴⁸ "Zapiska s predlozheniyami ..."

желанием «явить доказательство правителю Афганистана и индийским владетельным князьям, что Россия совершенно не стремится к расширению своих владений, а мирно уживается бок о бок со своими мелкими соседями». При этом, подчеркивает министр, «эти владетельные особы едва ли не усматривали в такой политике нашу слабость».

Намеченная цель Российской империи, по мнению автора записки Министерства иностранных дел, может быть достигнута, тремя способами:

- 1) введением в Бухаре русской администрации;
- 2) преподнесением Эмиру определенной инструкции по коренным реформам финансов и административного строя, которые он проводит от имени российского государства и под наблюдением русских;
- 3) давлением на Эмира к осуществлению от своего имени необходимых реформ, согласно дружественным советам русских властей.

Россия, в действительности, принуждая местных правительств к осуществлению положительных реформ в ханствах, считало, что «улучшение положения дел как в Хиве, так и в Бухаре может быть достигнуто только присоединением ханств к России, а все остальное является лишь паллиативами, которые не создадут прочного порядка».⁴⁹

Как видно, царские чиновники настоятельно предлагали новому эмиру Бухары Алимхану осуществление существенных реформ в социально-политической жизни Бухары и обещали поддержать его в этом деле. По этому вопросу было проведено несколько экстренных встреч с участием Туркестанского генерал-губернатора и подготовлено много аналитических материалов, так как, по мнению Сеймура Бекера, Бухара была богатым источником для российской экономики, а также занимала важную стратегическую позицию.⁵⁰ Как указано в одном из аналитических материалов, подготовленном чиновниками туркестанской администрации, Алимхан сам, без каких-либо принуждений объявил о реформах для улучшения жизни бухарского народа.⁵¹ Но, как показывают архивные источники, дело обстояло совсем иначе. Царские власти были сильно обеспокоены плохой экономической

⁴⁹ “Zapiska s predlozheniyami ...”

⁵⁰ Seymour Becker, *Russia's Protectorates in Central Asia: Bukhara and Khiva, 1865–1924* (Cambridge: Harvard University Press, 1968), 227.

⁵¹ “Predlozheniya po Programme reform v Bukharskom khanstve (usl.). TSGA RUz, F. I-1, Op. 31, D. 723/60”, Accessed 27.09.2008, www.zerrspiegel.orientphil.uni-halle.de/t1177.html

ситуацией и вследствие этого возможными народными волнениями в Бухаре в последние годы правления Абдулахада. Они сочли своевременным и нужным для осуществления некоторых позитивных изменений в социально-политической жизни Бухары во время смены правителя страны.⁵² В частности, генерал-губернатор Туркестана А. В. Самсонов на основе некоторых материалов⁵³ просит Военного министра Российской империи разрешить проведение нижеприведенных реформ в Бухаре и требовать выполнения этого от нового эмира Алимхана: определить жалованье бухарским чиновникам из государственной казны; запретить незаконные сборы денег у населения; отменить различные подношения эмиру; назначать казиев по правилам шариата на основе собранных данных о его личности и проведенных собеседований; упорядочивать земельные налоги; переходить от системы хараджа⁵⁴ к системе танаб⁵⁵; отменить закят⁵⁶ в целях развития производства и торговли; определить фиксированные налоги на патент и различные свидетельства; отменить сбор специального налога от крестьян за место торговли на базаре; отменить различные телесные наказания; уменьшить количество смертных казней и т.д.⁵⁷ Как видно, реформы были запланированы в разных областях социальной и экономической жизни Бухары.

Было очевидным, что реализация вышеперечисленных преобразований в экономике Бухары приводила к сокращению поступлений в казну. Царские чиновники постарались решить эту проблему путем сокращения бухарской армии.⁵⁸ Вопрос о сокращения расходов на бухарскую армию рассматривался еще в 1890-е годы.⁵⁹ По данным источников, в 1880 году из 6-миллионного бюджета Бухары 2,3 миллиона рублей расходовались на нужды армии.⁶⁰ Русских чиновников настораживало то, что в будущем могли появиться обученные офицеры армии из числа формирующегося нового поколения и обучающейся в

⁵² "Predlozheniya po Programme ..."

⁵³ "Doklad o polozhenii zemledeltsev ..."

⁵⁴ Харадж – вид налога, означает пожертвованный «налог».

⁵⁵ Танаб – мера земли, примерно равная 0,22 га.

⁵⁶ Закят – очистительная милостыня в пользу бедных в размере определенного шариятом от стоимости имущества.

⁵⁷ "Predlozheniya po Programme ..."

⁵⁸ Согласно записке Павла Лессара (1851-1905), русского дипломатического агента в Бухаре в 1890 – 1895 годах, правительство Бухары тратило на нужды армии 1,3 миллиона рублей. Подробно см.: В. Iskandarov, *Iz istorii Bukharskogo emirata* (Moskva, 1958), 21.

⁵⁹ Becker, *Russia's Protectorates in Central Asia...*, 153.

⁶⁰ G. Arandarenko, «Bukharskie voyska v 1880 g.» *Voennyi sbornik* (1881): 366.

Турции молодежи. Они видели в них угрозу русским интересам.⁶¹ Можно предполагать, что проведение вышеназванных реформ в ущерб обороноспособности государства было направлено на уничтожение последних основ государственности Бухары. Русские чиновники, несмотря ни на что, добились своего. Алимхан объявил своим первым указом о проведении широких реформ в стране. Об этом сообщил Российский дипломатический агент в Бухаре Я. Лютич в письме с приложенной копией указа эмира, направленном на имя генерал-губернатора Туркестана.⁶²

Тема ликвидации вассальных Бухары и Хивы, которая стала часто обсуждаться в русской прессе, не оставила без внимания турецкие газеты. Турецкие газеты либо сами анализировали такие статьи либо перепечатывали особо приглядевшие статьи на эту тему из других мусульманских печатных органов. Так, в статье газеты “Вақыт”, также рассматривается вопрос о ликвидации Бухары, печатанный в ташкентском “Русской почте”. В ней говорится, что “Россия уже 40 лет имеет отношения с Бухарой. За эти годы Бухара видит в нас слабость, которую мы должны немедленно исправить путем ее ликвидации и показать им настоящую русскую силу. Раньше из-за Англии и Афганистана мы не могли об этом думать. Но, в данное время все изменилось. У нас отличные отношения с Англией и она ничего не предпримет если Бухара станет частью России”.⁶³

Газета “Сирати мустахим” продолжая обсуждение вопроса о суверинитете туркестанских ханств пишет, что когда Россия завоевала Туркестан то полного подчинения Бухары и Хивы помешала Англия. Кроме того, русские также не очень стремились ликвидировать эти ханства намереваясь получить из них экономическую выгоду путем изымания таможенных пошлин. Принимая такие условия туркестанские ханства приняли “защиту белого царя” и подписали договора о вечном союзнничестве. Согласно подписанному соглашению, правители Бухары и Хивы не могут вести какие-либо отношения с другими государствами. Кроме того, они, имея внутреннюю независимость, также не могли принимать любые решения не согласовав

⁶¹ “Predlozheniya po Programme ...”

⁶² “O milostyakh bukharskomu naseleniyu s svyazi s vosshestviem na prestol Sayyid Alimxana (usl.). 14.01.1911. TSGA Ruz, F. I-1, Op. 31, D. 735/22”, Accessed 27.09.2008, www.zerrspiegel.orientphil.uni-halle.de/t1143.html

⁶³ “Bukhārā istiqlālina su’-i qaşd” *Şirāt-ı Müstaqīm* 108 (1326): 68-69.

их с туркестанским губернатором и русскими агентами.⁶⁴ Таким образом, турецкая пресса знакомила своих читателей с Туркестаном и его правителями рисуя общую социально-политическую картину края.

Как утверждает Таджуддин, местные вассальные государства вместо того, чтобы воспользоваться удобным случаем и усилить свои экономические и политические позиции в регионе, обрекают себя к неминуемой гибели донося друг на друга ради личной выгоды. В регионе с каждым днем усиливается доносительство друг на друга и стремительно расширяется сеть местной агентуры. По мнению Таджуддина, награда в 5-6 рублей Остроумовых и получение похвалы от губернатора стали причиной усиления этого губительного вируса как для самой нации, так и государства в целом.⁶⁵ Кроме того, из полученного сообщения из Бухары можно узнать, что тайные агенты из местного населения собирают информация о прогрессистах и представляют информацию о них сразу в два места, эмирской канцелярии и русскому агенту в Новой Бухаре. Согласно слухам, эти агенты сообщают о связях прогрессистов с Турцией, а также отправляемых туда сообщений и получаемых оттуда различных книг, газет и журналов.⁶⁶

Тем временем, после шиитско-суннитских беспорядков, русские власти усилили контроль над распространением зарубежной литературы и периодики. Как сообщили газете «Тааруфи муслимин» из Бухары, русский чиновник, приходя в лавку местного торговца материями в Кагане (Новая Бухара) сказал, что у него есть сведения о том, что он получает письма и газеты из Стамбула и пригрозил ему отдать всю получаемую литературу. В ответ на эти угрозы этот торговец толком не сумел ничего ответить и сказал, что не получает писем, а выписываемые журналы сам не читает и отдает другим. Кроме того, из сообщения можно узнать, что этот чиновник долго ругался и обещал довести это дело до конца. Редакция газеты в комментарии к этому сообщению пишет: «Бухарский народ и его правитель должны противостоять и не разрешать проведения русскими такой политики внутри страны. Каждый бухарец должен найти в себя мужество чтобы не

⁶⁴ Zābid Afandi, "Khiva hākimi marhūm Sayyid Muḥammad Raḥīm Bahādirkhān" *Şirāt-ı Müstaqim* 109 (1326): 78-79.

⁶⁵ Träiskli, "Afghānistān – Bukhārā"... , 130.

⁶⁶ "Bukhārāda khufya usūli" *Ta'āruf-i Müslimīn* 1/5 (1328): 69-70.

пустит русского человека на порог своего дома. В противном случае, положение полностью перейдет в руки русских.»⁶⁷

Как видно, газета призывает бухарский народ противостоять нажиму царских властей и восстать против насилия чтобы сохранить государственность Бухары.

Статьи Ахмада Таджуддина вызывают большой интерес в плане общего анализа политических и интеллектуальных тенденций в Туркестане извне, в частности в Бухарском ханстве. Кроме того, в этих статьях наблюдается некий симбиоз политических и культурных мыслей Востока и Запада. Ахмад Таджуддин, анализируя политическую обстановку и степень интеллектуального воспитания, иногда не воспринимает местную культуру, которая в целом направлена на прививание уважения к окружающим, в особенности, к старшему по социальному рангу. В свое время Н. П. Остроумов особо подчеркнул эту тенденцию и писал: «Одну хорошую сторону прививает мусульманский мактаб своим ученикам – внешнюю порядочность, сопровождающуюся скромностью и почтительностью».⁶⁸

Большая часть аналитических материалов в газете «Тааруфи Муслимин» посвящена политическим тенденциям в регионе. В частности, газета старалась выразить свое отношение к вмешательству царских властей во внутренние дела Бухары. При этом, автор большинства таких материалов тот же Ахмад Таджуддин, обвиняет в этом не русских, а самих бухарцев. Ахмад Таджуддин специально разделяет бухарских мусульман от российских мусульман.⁶⁹ Можно утверждать, что Таджуддин считал Бухару отдельным государством, которая ни на что несмотря имела внутреннюю независимость. По мнению Ахмада Таджуддина, основная надежда спасения мусульман не только Бухары, но всех мусульман мира это студенты. Он, говоря о бухарских студентах, пишет, что если сейчас они осознают разницу в прогрессе между Бухарой и другими странами, что их родина находится на краю гибели, то в скором времени значение группы невежд, носящая имя «улама» перестанет для нас свою актуальность. Он сравнивает российских и бухарских мусульман и видит их разницу в том, когда российские мусульмане выражают свое недовольство или протест на всякие противозаконные действия властей, бухарские мусульмане, имея внутреннюю политическую и экономическую независимость, не могут

⁶⁷ “Bukhārādan aldighimiz bir waraqa” *Ta’aruf-i Müslimîn* 1/9 (1328): 151-154.

⁶⁸ N.P. Ostroumov, *Sarty. Etnograficheskiye materialy* (Tashkent, 1908), 250.

⁶⁹ Aḥmad Tāj al-Dīn Trāisklī, “Bukhārā talabalarila ḥasb-i ḥāl” *Ta’aruf-i Müslimîn* 1/15 (1328): 241.

достойно ответит даже одному слову русского чиновника. Русский чиновник из Новой Бухары приезжает в Бухару и делает все, что ему приходится на ум и бухарцы смотрят на это разинув рот. Ахмад Таджуддин видит в этом бессилии, невежестве недостойное образование, которое даже не может прививать чувство собственной независимости. По его мнению, как человек, окончивший 20 летний курс медресе, не умеющий ответить на оскорбляющее действие простого кондуктора трамвая, может защищать свою родину, религию, веру от русской агрессии. Таджуддин, характеризуя настоящего интеллектуала говорит, что даже когда все движущие и составляющие основу государственности силы потеряют свои всякие чувства, студент, надежда нации, не может и не должен потерять эти чувства и твердо знать свое предназначение. Настоящий интеллектuala, по мнению Таджуддина, несмотря ни на что должен всегда встать на путь защиты веры и родины. Но, как утверждает Таджуддин, этого не достичь при нынешнем положении Бухарских медресе, которые вместо знания распространяют невежество и бессилие. Таджуддин не призывает народ Бухары взять в руки оружие. По его мнению, сейчас не время вооруженного восстания, которая приведет к неминуемой гибели. По его мнению, мусульмане в данное время должны терпеть все эти унижения ради будущего благополучия родины и нации. Для достижения этого благополучия Бухара немедленно должна начать отправлять студентов в Стамбул для обучения их в центре мусульманского мира. Если каждый год Бухара будет отправлять по 20-25 студентов, то через десять лет получит настоящих патриотов, настоящих потомков Тимура. И тогда, может быть, через 20-30 лет Бухара станет способной противостоять русскому государству.⁷⁰

Еще в одной своей аналитической статье Ахмад Таджуддин, анализируя инициативу газеты «Новое Время» о продаже рудников Туркестана англичанам, высказывает негативное мнение и требуют от туркестанцев противостоять таким политическим и экономическим угрозам. Как он пишет, автономия или независимость не приобретается одними голыми словами. Для этого, с одной стороны, требуется время, с другой стороны, способность. На это, как он утверждает, если туркестанцы начнут действовать сегодня, то им требуется еще 50 лет для приобретения этой способности.⁷¹

⁷⁰ Träisklī, "Bukhārā talabalarila ḥasb-i ḥāl" ... : 242-245.

⁷¹ Aḥmad Tāj al-Dīn Träisklī, "Māwarāunnaḥrda İngiltarra" *Ta'āruḥ-i Müslimīn* 1/17 (1328): 275-278.

Образование

Роль образовательных учреждений Туркестана, по видению из Турции, в подготовке интеллектуалов, отвечающих требованиям времени, а также в развитии интеллекта мусульман и интеллектуальной тенденции в общем, ничтожна. По мнению Алимджан ал-Идриси, эти образовательные учреждения, состоящие из звена начального и высшего образования, готовят, в основном, неполноценного, и самое главное, нравственно испорченного молодого поколения. По мнению Алимджан ал-Идриси, турецкая улама и ученые могут помочь исправить ситуацию. Для этого, они должны разъяснить пути реформы метода преподавания и воспитания периодически отправляя им письма.⁷²

Ахмад Таджуддин, рассуждая о борьбе джадидов и кадимистов пишет, что глава русских миссионеров (он, наверное, имел ввиду Н.Илминьского) был очень прав, когда говорил, что “нашим истинным делам больше всего подходит улама. В первую очередь мы должны прибрать их в наши руки и должны предостерегаться от молодежи”. По его мнению, этот миссионер был очень даже прав, когда рассуждал на счет молодежи. Потому, что именно они являются надеждой и опорой нашего будущего. Ахмад Таджуддин, анализируя борьбу новых и консервативных идей во внутренней части Российской империи, очень негативно высказывается об интеллектуальной жизни Бухары. Он пишет, когда ведутся ожесточенные полемики и борьба за сохранение будущего нации, в Бухаре абсолютная тишина, все находятся во власти невежества. Время от времени ходят в мечеть и молятся о том, что их “достопочтенный эмир является единственным правителем мира” и опять возвращаются в свои темные коморки и наслаждаются курением опия. Далее, он как Алимджан ал-Идриси, анализирует состояние бухарских медресе и очень сожалеет, что молодежь, будущее нации воспитывается бесполезными комментариями и это существенно влияет на увеличение зла и безпредела, которая действует по своему усмотрению... Кроме того, как утверждает Таджуддин, аьлам Гияс махдум в присутствии многочисленного народа сказал следующее: “Новый метод является недозволенным (харам). Ибо учится читать и писать способствует изучению Корана, но в то же время она является способом для чтения газет. А это будет показывать пути обсуждения дел нашего эмира. Будет правильным решением запретить изучение такого рода чтения и писания, так как обсуждения действий нашего эмира

⁷² Sibiriyali ‘Ālimcan al-Idrisī, “Bukhārāda taḥsil” *Şırât-ı Müstaqīm* 59 (1325): 111-112.

является большим грехом нежели лишение народа правильно читать Коран". Автор задается вопросом: если такой человек говорит эти слова, то что можно ожидать от других невежд? Ахмад Тажуддин в заключении своих рассуждений пишет, что такая несправедливость со стороны высокопоставленного чиновника Бухары перешагнула даже те неудобные дела иранского шаха и турецкого султана. Даже эти, считающиеся мусульман всего мира злодеями, не нашли в себе такую отвагу, чтобы сказать "пусть народ не будет читать Коран чтобы не обсуждать наши деяния".⁷³

По мнению Ахмад Тажуддина, Бухара в данное время находится в руках лживых шутов и продажных личностей. Бухара превратилась в очаг зла. Тем временем, рассуждает Ахмад Тажуддин, ветер надежды, который дует с севера, скоро снесет все на своем пути. При этом, по мнению автора, народ осознает, что именно просвещение спасет их и выведет на свободу и обеспечит им достойное существование в XX веке. Как утверждает Ахмад Тажуддин, это будет настоящей революцией, которая как всякая революция не будет проходить тихо и наведет много шума. Автор, рассуждая о событиях вокруг новометодной школы в Бухаре, утверждает, что именно это является предвестником той революции, которая перевернет бесправие и народ Бухары будет идти к прогрессу во главе с такими людьми как муфти дамулла Икрам. "Северный ветер", по мнению Тажуддина, побудила часть населения от сна невежества и показала истинное положение Бухары.⁷⁴

Что касается администрации Туркестанского генерал-губернатора, то его волновала быстрый рост новометодных школ по всему краю. Так, генерал-губернатор А.В. Самсонов (1859 – 1914) в 1910 году, для взятия этих школ под усиленный надзор, дал следующий указ Дирекцию народных училищ: 1) открытие новометодных начальных школ должно осуществляться только после разрешения Дирекции народных училищ; 2) инспектора народных училищ должны контролировать, чтобы учителя школ и ученики данной школы были одной национальности; 3) Дирекция должна рекомендовать новометодным школам внедрение обучения русского языка; 4) учитель или лицо, открывающее новометодную школу, должен предоставить список учебников и расписание уроков; 5) данный указ вступает в силу со дня его опубликования и во всех новометодных школах должны соблюдаться

⁷³ Aḥmad Tāj al-Dīn Trāisklī, "Zawallī Bukhārā ...!" *Şīrāt-ı Müstaqīm* 64 (1325): 187-190.

⁷⁴ Trāisklī, "Zawallī Bukhārā ...!" ... : 187-189.

вышеприведенные правила.⁷⁵ После опубликования данного Указа Самсонова в местных школах было запрещено татарским учителям обучать детей коренного населения.

В 1906 году образование инородцев было самой главной обсуждаемой темой в государственных структурах Российской империи. Министерство образования предлагало внедрение русского алфавита к преподаваемым местным языкам в русско-туземных школах, который разработал еще в середине XIX века Н.Ильминский.⁷⁶ Исмаил Гаспринский, критикуя предложение министерства, называет его «нелогичным и оскорблением для мусульман».⁷⁷ Из-за выступления мусульманской интеллигенции по поводу русского алфавита в периодической прессе, русские власти дали этому событию националистический оттенок и выдвинули теорию панисламизма. В Департаменте Духовных дел иностранных исповедований была составлена комиссия по изучению этого вопроса. Садри Максудов, выступая в Государственной Думе, жестко критиковал создание этой комиссии и обвинял ее в разработке мер борьбы против национального движения мусульман России.⁷⁸

Государственная Дума в начале 1911 года принимает постановление о языках преподавания в русско-туземных школах. Согласно этому постановлению, «в туркестанских русско-туземных школах, из-за отсутствия местного литературного языка, уроки должны преподаваться полностью на русском языке». Такому положению школьного дела выделялись первые полосы многих мусульманских газет, в том числе «Тарджуман». Гаспринский, критикуя данное постановление, старался доказать, что чагатайский язык, распространенный и используемый в Туркестане, является самым древним литературным языком тюркских народов. Он писал, что «как может не иметь языка и литературу народ, давший миру десятки ученых в самых разных направлениях». Гаспринский привел в пример труд Алишера Навои «Мухакамат ал-

⁷⁵ Munavvarqori Abdurashidxonov, *Tanlangan asarlar* (Toshkent: Ma'naviyat, 2003), 17.

⁷⁶ Более подробно о политике образования и системе Николая Ильминского (1822-1892) см.: Isabelle Teitz Kriendler, *Educational Policies Towards the Eastern Nationalities in Tsarist Russia: a Study of Il'minskii's System*. Columbia University (Unpublished Ph.D. thesis, 1970); Mustafa Özgür Tuna, "Gaspıralı v. Il'minskii: Two identity projects for the Muslims of the Russian Empire" *Nationalities Papers* 2(30) (2002): 264 – 289.

⁷⁷ "Faidasiz hidmat" *Tarjuman* 122 (1906).

⁷⁸ "Rech S.Maksudova v Gos. Dume" *Tarjuman* 10 (1909).

лугатайн»⁷⁹, в котором доказано, что тюркский язык как литературный ничем не уступает персидскому. Кроме того, Гаспринский обвиняет также самих туркестанцев в том, что такой исход дела возник из-за их бездействия, что они не торопятся защищать свои интересы.⁸⁰

События вокруг закрытия новометодной школы в Бухаре также стала самой обсуждаемой темой турецких изданий и положила начало к анализам интеллектуальной жизни Бухары. Отправленные письма из Бухары в деталях раскрывали ход событий. В одном из таких писем автор приводит детали беседы Кады Калана с основными противниками школы Раисом Бухары, а также муфтием Мухаммад Раззаком и аьламом Гиясуддином. В этой беседе Кады Калан признал, что после закрытия существовавшей школы бухарские улама наткнулись на проклятие всех мусульман мира. Раис Бухары в ответ на эти слова Кады Калана сообщил, что отправил письмо шейху Бухарской такя в Стамбуле уважаемому Абдулмажид эфенди с просьбой отправить книги, изучаемые в стамбульских школах. После получения на руки этих книг муфтии Бухары проверят и, если найдут что-то противоречащее шариату, отклонят. Раис обещал, что если все будет нормально, то поможет открыть школу и разрешит изучение этих книг в школах. (268). В комментарии «Сирати Мустахим» к этому сообщению не скрывает свой гнев на слова Раиса Бухары и пишет, что столь невежественность и консервативность бухарских муфтиев поражает всех мусульман мира. Удивительно, что бухарские муфтии будут проверять учебники стамбульских школ на пригодность нормам шариата. Если учесть, что эти слова принадлежать бухарскому раису, то мы считаем это оскорблением и неуважением центру мусульманского халифата. Кто из бухарских муфтиев имеет столько знаний, чтобы проверять учебники? Это им не ерунда, которая изучается в бухарских медресе.⁸¹ Гиясуддин Хусни также, рассуждая о событиях вокруг школы не скрывает свои эмоции, что потомки великого Тимура возвращаются к восстановлению прежней славы.

Пресса – двигатель прогресса

В начале XX века в Туркестане, кроме официального органа генерал-губернаторства, газеты «Туркистан Виляятининг Газети» (Туркестанская

⁷⁹ Гаспринский издал это произведение Навои в 1902 году под названием *Mukālama-i luğatayn*.

⁸⁰ "Çığatay dili" *Tarjümân* 10 (1910).

⁸¹ "Bukhārādan maktüb" *Şirāt-ı Müstaqīm* 69 (1325): 266-268.

Туземная Газета), также можно было увидеть широко распространенные тюркские и персидские газеты, изданные в Османской империи, Иране, Индии, Египте и в Европе.⁸² С одной стороны, этому способствовала налаженная русской и местными администрациями почтовая система, с другой – многочисленные паломники, купцы и др. которые привозили с собой прессу из других стран. Хотя бюрократический аппарат рассматривал цензуру как неизменное право, это не распространялось на полный запрет на ввозимую публикацию.

2-Конституционная революция в Турции в 1908 году привела к господству партии «Иттихат ве Таракки». Именно в этот период в Стамбуле один за другим появились множество периодических изданий, пропагандировавшие исламский реформизм, единение всех мусульман под эгидой Османского султана. Турецкая пресса вела агитацию за Османское государство, которая считается единственным защитником исламского мира, достойная объединить всех мусульман мира. Основным смыслом этой идее заключалась в предлагаемой всему мусульманству Османскую свободу, исламскую свободу, если точнее выразится, исламское единство (вахдатун исламиятун).⁸³

По утверждению Абдурашида Ибрахима, пантуранизм или пантуркизм является первоосновой панисламизма. Как он пишет, пантуранизм ничем не отличается от панисламизма. Пантуранизм выполняет роль временной ячейки в рамках единения мусульманского мира и является началом панисламизма. Кроме того, Абдурашид Ибрахим ставит во главе всего объединенного мусульманского мира Османского султана. По его мнению, облегченный вариант Стамбульского турецкого (языка) и принятие этого языка общим для всех тюркских народностей и есть первооснова мусульманского единения.⁸⁴ Именно с такими лозунгами новая турецкая пресса за короткий срок привлекла огромное количество подписчиков не только в Турции, но и за рубежом.

В агитации идей исламизма особо отличались газеты «Сирати Мустаким», «Тааруфи Муслимин» и «Хикмет». Слоган этих изданий также был единым, т.е. «Держитесь все за единой веревкой Аллаха и не распадайтесь». Газета «Тааруфи Муслимин», издававшаяся под

⁸² Kh. Vakhidov, *Prosvetitel'skaya ideologiya v Turkestane* (Tashkent: Uzbekistan, 1979), 49.

⁸³ Nür 'Alizāde Husnī, "Bukhārāda sunniler, şī'iler" *Şirāt-ı Müstaqīm* 74 (1328): 350

⁸⁴ 'Abd al-Rašīd Ibrāhīm, "Pānturānizm" *Ta'āruf-i Müslimīn* 1/2 (1328): 17-20; 'Abd al-Rašīd Ibrāhīm, "Yana Pānturānizm" yāki "Aqwām-i Türk'in birleşmesi" *Ta'āruf-i Müslimīn* 1/5 (1328): 57-58.

редактерством знаменитого исламского путешественника и миссионера Абдурашида Ибрахима, придерживалась идее, исходящая из аята Корана, которая гласит «Действительно, мусульмане являются братьями...» и все материалы газеты были направлены на пропаганду мусульманского единения.

Другая газета «Сирати Мустахим» издавался известным поэтом Мехмет Акифом (1873-1936) и в основном, печатал статьи, касательно религиозного характера, а также публиковал материалы по мусульманской философии, науке, юриспруденции, литературе, истории, политике и статьи, освещающие различные мусульманские вопросы. Газета, наряду с известными османскими интеллектуалами, также открыла свои страницы российским мусульманам эмигрантам, в основном татарским журналистам, создав для них новую среду деятельности.⁸⁵

Ахмет Хильми (1865-1914), издававший газету «Хикмет», по своему убеждению, был противником султана Абдулхамида, но вместе с этим он также не был сторонником партии Единение и Прогресс и не поддерживал оппозиционные партии.⁸⁶ «Хикмет» во главе с Хильми также, как и вышеозначенные издания, открыто придерживался и пропагандировал идею единения ислама. Единения суннитов и шиитов была одним из основных направлений «Хикмет»а.⁸⁷

Основная масса статей, освещающие развитие политической и интеллектуальной тенденций в Туркестане в вышеупомянутых турецких изданиях посвящена, в основном, Бухаре. Русский Туркестан и Хива мало интересовали турецкую прессу. Аналитические статьи, обзоры событий печатались в основном под именами Троицки Ахмад Тажуддин, Нур Али-заде Гиясуддин или Мухабир-и Махсус.⁸⁸ Троицки Ахмад Тажуддин и Нур Али-заде Гиясуддин, кроме аналитических материалов,

⁸⁵ Hisao Komatsu, "Bukhara and Istanbul: A Consideration about the Background of the Munāzara". In Stephane A. Dudoignon and Komatsu Hisao (eds.). *Islam in Politics in Russia and Central Asia (Early Eighteenth to Late Twentieth Centuries)* (London, New York, and Bahrain: Kegan Paul, 2001), 169-170.

⁸⁶ Ahmet Tepekaya, "Filibeli Ahmet Hilmi'nin Hikmet Dergisini Yayınlamasındaki Amacı" *Karadeniz Araştırmaları* 8 (2005), 42.

⁸⁷ Şaykh Muhr al-Dīn 'Arūsī, "'Uthmānī - Īrān i'tilāfi. İlk zamzama-i ittihād" *Hikmet* 40 (1911): 21.

⁸⁸ Ahmet Kanlıdere, "Türk Basınında Türkistanlı Ceditçilerin Kültürel Faaliyetleri 1910-1914" *Marmara Türkiyat Araştırmaları Dergisi* 1 (2014): 167-176; Ahmet Kanlıdere, "Sırât-ı müstakim Dergisinin Buhara Uyanışı Üzerindeki Etkileri (1909-1911)" *VIII. Milletlerarası Türkoloji Kongresi. 30 Eylül - 04 Ekim 2013. Bildiri Kitabı - IV* (İstanbul, 2014), 552-565.

обозревали письма, направленные из Бухары, так как эти авторы, исключая Мухабир-и Махсус, находились в Стамбуле.

Первая заметка о Бухаре было опубликовано в 66-номере газеты «Сирати Мустаким» от 15 июля 1909 года.⁸⁹ После беспорядков вокруг новометодной школы осенью 1909 года и шиитско-суннитской распри в январе 1910 года в турецких газетах начался настоящий бум и появились многочисленные аналитические статьи о социально-политической жизни Бухары.⁹⁰ Но, этот бум не был продолжительным и начиная с 1912 года туркестанская тема была снята с повестки дня турецких изданий. Этому, наверное, способствовала начала военных действия на Балканах.

Во многих случаях редакции газет в целях безопасности скрывала имена своих информантов или отправивших писем авторов. Письмо, полученное редакцией «Сирати Мустаким» из Бухары, было подписано 12 уважаемыми людьми, но редакция предпочла не печатать их имена.⁹¹ В этом письме, подписанное многоуважаемыми людьми Бухары, сообщается, что мусульманская пресса пришла в Центральную Азию из России. Немногочисленные читатели газет из Бухары, в основном, получали «Тарджуман» из Бахчисарая и «Вақыт» из Оренбурга. Но, с недавнего времени, как сообщается в письме, бухарцы группами начали подписывать и читать газету «Сирати Мустаким» и тем самым бухарская молодежь получила возможность более расширить свой кругозор. По сведению авторов, бухарцы постепенно начинают обращать свое внимание на прессу и очень радуется, что именно молодежь много читает прессу. Это сообщение представляет некую важность в том плане, что распространение газеты в Бухаре и основными получателями этих изданий является молодое поколение, которая в последствии стала основной силой прогрессивно настроенного слоя населения. Это показывает, что молодежь, в основном, студенты медресе начали осознавать и чувствовать тот «северный ветер»⁹², о котором говорил Ахмад Таджуддин.

В письме, полученном от собственного корреспондента газеты в Бухаре, также говорится об изменении интеллектуальной среды Бухары в лучшую сторону. В особенности, в письме сообщается, что

⁸⁹ Ş.M. Bukhārī, “Bukhārāda sharī‘at nāmīna irtikāb olan jināyat” *Şirāt-ı Müstaqīm* 66 (1325): 221-222.

⁹⁰ “Bukhārādan maktüb” *Şirāt-ı Müstaqīm* 69 (1325): 266-267; Nūr ‘Alizāde Ghiyāth al-Dīn Ḥusnī, “Bukhārāya dā‘ir” *Şirāt-ı Müstaqīm* 74 (1326): 75; 76 (1326): 228-230; “Bukhārādan maktüb” *Şirāt-ı Müstaqīm* 82 (1325): 74.

⁹¹ “Bukhārādan maktüb” *Şirāt-ı Müstaqīm* 82 (1325): 74.

⁹² Träisklī, “Zawallī Bukhārā ...!” ... : 187-190.

мировоззрение молодежи Бухары сильно меняется под влиянием турецкой прессы, в частности газеты «Сирати мустахим». Эта газета, по мнению автора письма, в короткий срок сумела занять важное место среди населения города и начала положительно влиять на духовное воспитание людей.⁹³ Как видно, исламистское направление газеты и печатаемые в ней разного рода информации панисламистского содержания мгновенно сумела покорить сердце вновь возрождаемого Бухары.

Кровавая Бухара

Огромная часть статей или писем, опубликованных в турецкой печати, анализирующих политические и интеллектуальные тенденции в Туркестане, освещает кровавые события между суннитами и шиитами, а также школьный вопрос в Бухаре. Некоторая часть писем, полученных из Бухары, были опубликованы от имени собственного корреспондента. К сожалению, нам не известны имена этих корреспондентов. В этих письмах, корреспонденты сообщали подробные детали беспорядков в Бухаре, а также о некоторых важных социально-политических и общественных последствий этих событий. Так, в одной из таких писем сообщается, что после подавления сунниско-шиитских столкновений, в Бухару из России прибыло две комиссии. Обе комиссии занимались регистрацией всего населения Бухарского ханства. Сотрудники этих комиссий, как утверждает автор, не оставили без внимания даже самых отдаленных и маленьких кишлаков. Кроме того, комиссии занимались вопросами налогообложения и переписали все регистрационные книги, а также лично беседовали со всеми местными чиновниками, землевладельцами. Из сообщения автора можно узнать, что председатель второй комиссии интересовался, в основном, религиозными решениями (фатва) и отношение шариата к современным тенденциям. Через Кушбеги председатель комиссии пригласил к себе муфтия Икрама, но он отказался от этой встречи. Тогда он сам посетил дом муфтия Икрама и получил подробные ответы на свои вопросы.⁹⁴

По мнению Нурализаде Хусни, кровавые события в начале 1910 года произошли по вине занимающих все ключевые государственные посты в Бухаре шиитов-персов. Он также упрекает их в том, что несмотря на тюркоязычность большинства населения Бухары, под влиянием шиитов-

⁹³ Bukhārā mukhābir-i makhūsimizdan, *Şirāt-ı Müstaqīm* 82 (1325): 74-75.

⁹⁴ Bukhārā mukhābirlarimizdan, "Bukhārā hāli tahlikada ...!" *Ta'āruf-i Müslimîn* 1/2 (1328): 29-30.

персов официальным языком Бухары стал персидский.⁹⁵ Именно такого мнения придерживается также Ахмад Таджуддин из Троицка.⁹⁶ Далее, Гиясуддин Хусни, обвиняет шиитов в потере независимости и государственности Бухары. По его утверждению, именно главнокомандующие-шииты бухарской армии убедили эмира Музаффара оставить поле боя и принять капитуляцию от русской армии. Продолжая мысли на эту тему, Гиясуддин Хусни пишет, что во всех источниках по истории пишут, что бухарская армия оставила поле битвы едва услышав первые удары русской пушки. По его утверждению, история врет и на такое течение событий виновны только шииты, которые руководили армией Бухары. Если бы не их интрига с русскими, то славная армия Бухары не оставила бы поле битвы.⁹⁷ Тем не менее, можно сказать, что русские очень доверяли шиитам и согласовывали с ними некоторые свои действия в Бухаре. Так, после кровавых событий между шиитами и суннитами в Бухаре в январе 1910 года и беспорядков в сентябре 1911 года, русские обратились “к помощи шиитов, единственно преданных России людей”. И с их помощью “снова с риском для жизни, без ввода хотя бы одного нижнего чина в город Бухару, все было успокоено”.⁹⁸

Еще одно письмо собственного корреспондента «Сирати Мустахим» о кровавых событиях между шиитами и суннитами в Бухаре сообщает, что на эту тему распространились многочисленные фейковые сообщения и он решил преподнести правдивую историю и ход событий. При этом, как он утверждает, несколькими способами проверил достоверность хода событий и описывает в подробностях ежедневную хронику.⁹⁹ Эта маленькая деталь сообщения показывает, как быстро журналистское дело получил развитие в Бухаре. Кроме того, исходя из этого мы можем сказать, что в Бухаре впервые в национальной журналистике применен метод журналистского расследования.

В этом письме сообщается ранее не известные подробности и первопричины тех кровавых событий. По сведению автора письма, к такому исходу дела привел недалёковидность и многочисленные ошибки властей в управлении. По его мнению, сунниты Бухары всегда

⁹⁵ Husnī, “Bukhārāda sunnīlar, şī‘īlar” ... : 351.

⁹⁶ Träisklī, “Badbakht hukmdār...”, 43-46.

⁹⁷ Husnī, “Bukhārāda sunnīlar, şī‘īlar” ... : 350-352.

⁹⁸ T.V. Kotyukova, *Turkestan v imperskoy politike Rossii: Monografiya v dokumentakh* (Moskva: Kuchkovo pole, 2016), 101.

⁹⁹ Bukhārā mukhābir-i makhūsīmizdan, “Bukhārā waq‘ai alimasi” *Şirāt-ı Müstaqīm* 76 (1325): 382-384.

чувствовали себя незащищенными, так как все ключевые государственные посты всегда занимали шииты. Кроме того, большая часть денег государственной казны тратились на содержание такя Мешхеда. Но, одним из основных причин возникновения этих событий по утверждению автора, это перевод денег в больших суммах на счета шиитов – чиновников в иностранных банках. Перед началом событий Кушбеги перевел 50 тысяч лир на свое имя в английский банк.¹⁰⁰

Далее, автор, ссылаясь на предварительные расследования причин беспорядков, утверждает, что беспорядки на религиозной почве получили политический характер. По-видимому, автор письма пришел к такому выводу анализируя ввод в Бухару и расположение 1300 русских солдат и 12 пушек по городу. К этому мнению автор приобщает ставший явным весть о том, что Кушбеги заранее зная о начале беспорядков снабдил все шиитское население Бухары огнестрельным оружием.

Как утверждает Нур Ализаде Хусни, мусульманство не разделяется ни суннитством, ни шиизмом. Вера в единого Аллаха объединила всех мусульман, и всякая попытка разрушит это единство, как было в Бухаре, является последствием бездействия мусульманского духовенства и богословов. Хусни считает, что управление в отношении свободы совести не должна осуществляться силой оружия, а научными и общественными средствами.¹⁰¹ Бухарский правитель, по его мнению, должен восстановить равновесие сил в обществе или вообще исключить назначение шиитов на высокие должности. Это, как утверждает Хусни, послужит искоренению вражды между мусульманами. Так как соотношение между развитием и прогрессом общества и защитой государственности, а также патриотизмом является неоспоримым соотношением, которая должна всегда соблюдаться.¹⁰² Вторым важным вопросом, которую немедленно должна решить Бухарское правительство, по мнению Хусни, искоренить не толерантность среди населения. Не толерантность в бухарском обществе, разделение единого общества на части является непосредственным последствием неправильной политики правительства. Правительственные чиновники для личного обогащения или укрепления сферы своего влияния разожгли религиозную вражду и даже пожертвовали ради этого жизнями сотен соотечественников. Этим людям не свойственно думать о будущем государства и нации. Кроме того, Нур Ализаде Хусни с другой

¹⁰⁰ B Bukhārā mukhābir-i makhūsimizdan, "Bukhārā waq'a-i alimasi" ... : 384.

¹⁰¹ Nūr 'Alizāde Ghiyāth al-Dīn Ḥusnī, "Bukhārāya dā'ir" *Şirāṭ-ı Müstaqīm* 74 (1326): 229.

¹⁰² Ḥusnī, "Bukhārāya dā'ir" ... : 228.

стороны возлагает ответственность на совершившиеся события на бухарскую медресе, которая, по его утверждению, в течение нескольких веков не предприняла никаких действий с духовной точки зрения для единения людей разного вероубеждения, проживающих в Бухаре. В конце своих рассуждений Хусни пишет, что сколько великих государств исчезло с лица земли из-за таких ошибок. Если Бухара не опомнится и не встанет на путь прогресса, то скоро ее достигнет участь этих государств. Запад тратит огромные средства и силы для подготовки миссионеров для прививания своей нравственности колонизированным народам и под прикрытием распространения религии осуществляют совсем другие дела. Даже Османское государство не предпринимает никаких действий для предотвращения раздела мусульманского общества.¹⁰³

Туркестанские ханы и турецкая пресса

Редакция газеты «Сирати мустаким» в статье, написанной по случаю кончины бухарского эмира Абдулахада, перечисляет по своему усмотрению все важные реформы, которые он осуществил во время своего правления – это отмена пытки и закрытие подземных темниц, открытие одной реформированной школы (имеется ввиду русско-туземная школа), развитие торговли, а также перечисление благотворительных денег в строительство петербургской мечети и Хиджазской железной дороги. Кроме того, как утверждается в статье, если у эмира была бы воля, то он мог бы осуществить также реформу общества.¹⁰⁴

«Сирати мустаким» наряду с «Тааруфи муслимин» выступила с критикой турецкой общественности в том, что она игнорировала весть о смерти бухарского эмира. Как утверждается в статье, если скончался бы какой-то принц Монако или другая важная персона какой-либо даже маленькой европейской страны, то турецкая пресса во весь голос трубила бы эту новость и газетные страницы были бы полны статьями, биографиями и портретами этих персон. Но, отношение к смерти мусульманского и тем более тюркского правителя было ограничено тремя строками телеграфного сообщения.¹⁰⁵

На «молчание» общественности Стамбула на новость о смерти Бухарского эмира Абдурашид Ибрахим также выражает свое сожаление

¹⁰³ Husnī, “Bukhārāya dā’ir” ... : 228-230.

¹⁰⁴ “Bukhārā aḥwālī” *Şirâṭ-ı Müstaqim* 123 (1326): 314.

¹⁰⁵ “Bukhārā aḥwālī” ... : 315.

и очень негативно отзывается на вопрос, который циркулировал в интеллектуальных кругах Стамбула: «Что сделал Абдулахад в пользу мусульман, чтобы мы упоминали его с хорошими словами?» По мнению Ибрагима, тот, кто задается этим вопросом должен сначала подумать, что он сам сделал для мусульман. Далее, Абдурашид Ибрахим анализируя мировую политику, проводимую Западом, высказывает мнение с точки зрения панисламиста, что враждебность христианства ко всему человечеству и русские пушки не только бухарскому эмиру, а никому из мусульманских правителей не дали возможность осуществить хотя бы одно дело.

Абдурашид Ибрахим, в отличие от редакции «Сирати Мустахим», смотрит на личность и период правления Абдулахада более позитивно. Хотя он также утверждает, что эмир не осуществил существенно больших дел. Но, на это были свои причины. Во-первых, не он отдал государство под защиту России, а его отец Музаффариддин. Во-вторых, Абдулахад принял трон Бухары будучи связанным руки и ноги. По мнению Ибрахима, про Абдулахада циркулирует множество слухов, многие из которых не соответствуют правде. Абдурашид Ибрахим указывает на то, что в Бухаре кроме шариатских законов не действуют другие законы и утверждает, что если эти законы не действуют или нарушаются, то на это должны ответить богословы, а не эмир. Тем самым, Абдурашид Ибрахим хочет сделать ответственным за внутреннюю политику не эмира Абдулахада, а всесильного улама, у которого совсем не ладилась отношения с эмиром. Абдурашид Ибрахим перечисляет более обширный список благих дел Абдулахада не только для своего народа, но и для мусульман всего мира. По определению Абдурашида Ибрахима, Абдулахад, в политическом плане тратя большие суммы денег в виде благотворительности для русских социальных и военных учреждений, взамен получил социально-экономические выгоды для своей страны. Для строительства гимназии в Ташкенте он выделил 200 тысяч рублей с одним условием – в эту гимназию каждый год на учебу должны приняты 20 мусульманских студентов. За 5 млн рублей он построил военный корабль для флота Российской империи, но взамен добился запрета продажи алкогольных напитков в Бухаре российскими подданными. Как утверждает Абдурашид Ибрахим, Бухарский эмир все время повторял одну и ту же фразу: «Наши предки, правившие миром и наслаждавшиеся его великолепием, оставили нам работу да

проклятие».¹⁰⁶ Из приведенных фактов в обзорной статье Абдурашида Ибрахи́ма можно предполагать, что он лично встречался с ним или имел тесные контакты с его приближенными. Но, доказывающих это предположение фактов, мы не имеем.

Как видно, огромная часть напечатанной информации о событиях Туркестана в турецкой прессе посвящена Бухаре. Хива и русский Туркестан, особенно последний, мало интересовали или вообще не интересовали турецкую периодику. Про Хиву было напечатано всего 5 статей информационного характера. Все эти статьи были напечатаны по поводу кончины главы государства Мухаммада Рахимхана и восшествия нового правителя на трон. В этих статьях вкратце анализируются деяния покойного хана, его манеры управления и политика. Так, Ахмад Тажуддин, рассматривая новую историю, критически анализирует действия Мухаммада Рахимхана во время взятия Хивы русскими войсками. Он называет его трусом, бросивший и бежавший из страны при приближении врага ради спасения своего богатства, которую он вывез с собой. По его мнению, Мухаммад Рахимхан не был политиком, но старался справедливо управлять народом. Ахмад Тажуддин видит в лице нового хана Хивы Асфандияра безграмотного невежды, который не выходил из стен дворца. По его определению, только молодежь способна сохранить независимость государства. Если она не будет действовать твердо, то страна под управлением безграмотного хана вскоре исчезнет из карты мира.¹⁰⁷

В другой статье по поводу смерти Хивинского хана Мухаммада Рахимхана Сани, изложена краткая история завоевания Россией Хивы и роль правителя в этом деле. Газета пишет: “В 1873 году Хива перешла в руки русских. Хан, Мухаммад Рахим едва узнав, что город перейдет в руки врага оставил город и скрылся. После этого он после долгих просьб получил одобрения Кауфмана вновь занять свой трон и подписал соглашение о союзнничестве. Этот хан недавно умер. Ему было 69 лет. Незадолго до своей смерти у хана была парализована левая часть. Хан не знал русского языка и не был знаком с европейской культурой и политической жизнью. Он всю жизнь был занят писанием стихов и интересовался только литературой. Покойный хан также был известен своей справедливостью. Каждый день по 2-3 часа он лично принимал

¹⁰⁶ ‘Abd al-Raṣīd Ibrāhīm, “Bukhārā amiri ‘Abd al-Aḥadkhān ḥazratlarining wafāti munāsabatila” *Ta’aruf-i Müslimīn* 2/29 (1329): 65-66.

¹⁰⁷ Aḥmad Tāj al-Dīn Trāisklī, “Khiva khāni Muḥammad Raḥīmkhānning wafāti munāsabatila” *Ta’aruf-i Müslimīn* 1/16 (1328): 254-258.

народ и решал их вопросы. Покойных хан был генералом русской армии и согласно подписанному союзническому договору, если Россия вступить в войну был обязан отправить 20 тысяч солдат. С помощью русского правительства его место занял сын Асфандияр. Ему 38 лет, не знает русского языка и не получил европейского образования.”¹⁰⁸

В еще одном письме, присланное из Хивы неким Мулла Бадрикул кары Мухаммадом, кроме личности Мухаммад Рахимхана также сообщается о системе и нынешнем положении образования в Хивинском ханстве. Отправитель письма очень негативно отзывался о личности и правлении покойного хана. Согласно его мнению, Мухаммад Рахимхан, несмотря на его строгое соблюдение религиозных норм, был человеком, далеким от науки и просвещения, даже, по утверждению автора письма, он оставался невеждой, толком не владевший «искусством чтения и письма. Его управление страной ограничился каждодневными 3-х часовыми приемами населения и слушанием их жалоб. В остальное время хан занимался писанием любовных стихов». Кроме того, как утверждает автор письма, Мухаммад Рахим занимался ростовщичеством, давая приближенным людям денег под 10% в месяц.¹⁰⁹ Эти утверждения автора письма не соответствует тем словам, которых он написал в начале письма. Т.е. строгое соблюдение хана религиозных норм и шариатских законов не соответствует действительности, когда он занимается ростовщичеством, которое строго запрещается шариатом и считается одним из больших грехов в исламе. Такие логические несоответствия в обзорных информациях показывают некоторую некомпетентность обозревателей или отправителей сообщений, или недостаточность владения ими информацией, основанных на реальных фактах. Поэтому, такие анализы событий или материалы информационного характера требуют более объективного и критического изучения вопроса.

По утверждению Муллы Бадрикула, борозды правления страной находятся в руках одного «ходжа», который действует по своему усмотрению. Его политику Мулла Бадрикул кары Мухаммад сравнивает и уподобляет ее маленькой модели английской «политики зла», проводимой в Индии. Этот факт также имеет противоречие с

¹⁰⁸ Zābid Afandi, “Khiva hākimi marhūm Sayyid Muḥammad Raḥīm Bahādīrkhān” *Şīrāt-ı Müstaqīm* 109 (1326): 78-79.

¹⁰⁹ Mulla Badriqul Qāri Muḥammad, “Khivadan maktüb (khāca Khārazmning ḥālātī ḥāzīrasi)” *Ta’āruf-i Müslimīn* 1/16 (1328): 260.

вышеупомянутым мнением о «старании хана справедливо управлять народом».

Как сообщается в письме, интеллектуальная тенденция в Хиве ничем не отличается от Бухары. Та же медресе, та же 17-летняя программа и никакого интеллектуального скачка в ближайшем будущем не предвидится. В последствии такой интеллектуальной стагнации в стране, по мнению Муллы Бадрикула, народ стал очень ленивым и погряз, в прямом смысле, в грязи. Мулла Бадрикул испытывает глубокое чувство стыда перед совершаемыми аморальными и развратными делами в Хиве и сообщает, что рука не поднимается даже для краткого их описания.¹¹⁰

Остальные сообщения о Хиве ограничиваются анализом объявленного ханского указа о проведении в стране социально-экономической реформы. При этом, редакция газеты «Тааруфи муслимин» считает своим долгом и обязательством перед братьями-мусульманами и выражает свою готовность оказать помощь в налаживании школьного дела в Хиве.¹¹¹

Заключение

Исходя из вышесказанных можно заключить, что турецкую печать в основном интересовала ход политических дел и развитие этой политической тенденции наряду с интеллектуальным прозрением мусульман Туркестана. Анализы политических событий и темы интеллектуальной тенденции в турецких изданиях ограничены лишь Бухарой, что не позволяет турецкому читателю более детально рассматривать и понять ход событий по всему Туркестану.

Общий вид аналитических и обзорных материалов дает нам сделать вывод, что общая тенденция взгляда турецкой периодической печати на развитие политической и интеллектуальной тенденций в Туркестане исходит из идеологии тюркизма, которая, в свою очередь, являясь временным замещающим звеном исламизма.

В аналитических материалах, сделанных в рамках освещения беспорядков между шиитами и суннитами в Бухаре, в основном, были направлены на разоблачение политической близорукости Бухарского эмира. Эти события были истолкованы как следствие бездействия мусульманского духовенства и богословов. Кроме того, управление в отношении свободы совести, по взгляду из Стамбула, не должна

¹¹⁰ Qāri Muḥammad, “Khivadan maktūb ...” ... : 260-261.

¹¹¹ Şāh Aḥmad, “Khivada islāhāt” *Ta’aruf-i Müslimîn* 1/22 (1328): 359-360; Şāh Aḥmad, “Khivada maktablar islāhī” *Ta’aruf-i Müslimîn* 2/26 (1328): 26-28.

осуществляться силой оружия, а научными и общественными средствами. Это заключается в восстановлении равновесия сил в бухарском обществе, которая, по крайней мере, должна была послужить искоренению вражды между мусульманами.

Российских властей сильно волновала исходящая из Турции и соседнего Афганистана «влияние панисламизма», которая могла сыграть на руку другим державам, находящимся в регионе. Кроме того, разного рода докладные записки государственных структур, а также анализ внутренней политики и социально-политического положения населения вассальных ханств Туркестана, все больше вызывало опасения российского правительства. Тем не менее, власти до конца не были уверены с ликвидацией Бухарского и Хивинского ханств и создания на их месте областей, которые полностью переходили бы под юрисдикцию Российской империи. Все-таки, взятые международные обязательства не дали Российской империи ликвидировать туркестанские ханства. Вместо этого, они провели некоторые социальные и финансовые реформы в Бухаре и Хиве и тем самым сумели предотвратить больших народных волнений.

Полемики в русской печати о ликвидации Бухарского и Хивинского ханств, а также беспрепятственное вмешательство во внутренние дела этих вассальных государств, были расценены стамбульскими газетами как агрессия со стороны России.

Интеллектуальная тенденция в Туркестане, согласно взгляду из Стамбула, стала подвластной недостойному образованию, которая распространила повсюду бессилие и невежество, и самое главное, полностью утратила способность прививать обществу чувство собственной независимости. При этом, османская общественность изъявила свою готовность помочь исправлению такой жалкой ситуации в Туркестане только теоретически, периодически отправляя наставления. Это тенденция явно видно, когда Ахмад Таждуддин писал о «северном ветре», которая олицетворяла татарскую общественность внутренней России. Кроме того, османцы проявляют в отношении туркестанских улама не толерантность, которую сами предлагали искоренить в Бухаре и предпочитает считать критику на свой адрес оскорблением и неуважением центру мусульманского халифата.

Взгляд из Петербурга и Стамбула на развитие политической и интеллектуальной тенденции в Туркестане можно рассмотреть, как слишком политизированным и исходящим сугубо из идеологии исламизма.

Литература

Книги

- Abdurashidxonov, Munavvarqori. *Tanlangan asarlar*. Toshkent: Ma'naviyat, 2003.
- Arapov, D. *Islam v Rossiyskoy imperii (zakonodatelstvennye akty, opisaniya, statistika)*. Moskva, 2001.
- Arapov, D. *Musulmanskoe dvizhenie v Sredney Azii 1910 goda (po arkhivnym materialam Departamenta politsii Ministerstva vnutrennikh del Rossiyskoy imperii)*. *Sbornik Russkogo Istoricheskogo obshchestva*. T.5. Moskva, 2002.
- Arsharuni, A., Gabidullin, Kh. *Ocherki panislamizma i pantyurkizma v Rossii*. Moskva, 1931.
- Ayni, Sadridin. *Ta'rixi inqilobi Buxoro*. Dushanbe: Adib, 1987.
- Bartold, V.V. *Islam. Sochineniya*. T.6. Moskva: Nauka, 1966.
- Becker, Seymour. *Russia's Protectorates in Central Asia: Bukhara and Khiva, 1865–1924*. Cambridge: Harvard University Press, 1968.
- Boltaboev, Hamidulla. *Fitrat va jadidchilik*. Toshkent, 2007.
- Bukhārā Ta'mīm-i Ma'ārif Jam'iyati Khayriyasining Nizāmnāma va Khatt-i Harakatidir. Ta'rikh-i ta'sīsi 11 Şawwal 1327. Markazi: Dāri Sa'ādat Wazirkhān*. Istanbul, 1327.
- Carrère d'Encausse, Hélène. *Islam and the Russian Empire. Reform and Revolution in Central Asia (Comparative studies on Muslim societies)*. University of California Press, 1988.
- Carrère d'Encausse, Hélène. *Réforme et révolution chez les musulmans de l'empire russe*. Paris: Libraire Armand Colin, 1966.
- Farkhshatov, M. *Samoderzhavie i traditsionnye shkoly bashkir i tatar v nachale XX veka (1900 – 1917 gg.)*. Ufa: Gilem, 2000.
- Iskandarov, B. *Iz istorii Bukharskogo emirate*. Moskva, 1958.
- Kanlıdere, Ahmet. “Sirât-ı müstakîm Dergisinin Buhara Uyanışı Üzerindeki Etkileri (1909-1911).” *VIII. Milletlerarası Türkoloji Kongresi. 30 Eylül – 04 Ekim 2013. Bildiri Kitabı – IV. İstanbul, 2014, 552-565.*
- Khalid, Adeeb. *The Politics of Muslim Cultural Reform: Jadidism in Central Asia*. Berkeley: University of California Press, 1998.
- Kocaoğlu, Timur (ed.). *The Reform Movements and Revolutions in Turkistan (1900 – 1924)*. SOTA. – Haarlem, 2001.
- Komatsu, Hisao. “Bukhara and Istanbul: A Consideration about the Background of the Munāzara.” In Stephane A. Dudoignon and Komatsu Hisao (eds.). *Islam in Politics in Russia and Central Asia (Early Eighteenth to Late Twentieth Centuries)*. London, New York, and Bahrain: Kegan Paul, 2001, 169-170.

- Kotyukova, T. V. *Turkestan v imperskoy politike Rossii: Monografiya v dokumentakh*. Moskva: Kuchkovo pole, 2016.
- Litvinov, P. *Gosudarstvo i islam v Russkom Turkestane (1865 – 1917) (po arkhivnym materialam)*. Yelets, 1998.
- Ocherki Ministerstva inostrannykh del Rossii. T.1. Moskva: Olma-Press, 2002.
- Ostroumov, N. *Koran i progress. Po povodu umstvennago probuzhdeniya sovremennykh rossiyskikh musulman*. Tashkent: Tipografiya Shtaba Turkestantskogo voennogo okruga, 1901 – 1903.
- Ostroumov, N. P. *Sarty. Etnograficheskiye materialy*. Tashkent, 1908.
- Rasy i narody. Sovremennyye etnicheskie i rasovye problemy*. Yezhegodnik. Vyp. 32. Moskva, 2006.
- Sodiqov, H. va boshq., *O'zbekistonning yangi tarixi. Birinchi kitob. Turkiston chor Rossiyasi mustamlakachiligi davrida*. Toshkent: Sharq, 2000.
- Teitz Kriendler, Isabelle. *Educational Policies Towards the Eastern Nationalities in Tsarist Russia: A Study of Il'minskii's System*. Columbia University. Unpublished Ph.D. thesis, 1970.
- Vakhidov, Kh. *Prosvetitel'skaya ideologiya v Turkestane*. Tashkent: Uzbekistan, 1979.
- Yusupov, Sharif. *Xudoyorxon va Furqat*. Toshkent: Sharq, 1995.

Журналы и периодические издания

- Ahmad, Şah. "Khivada islāhāt." *Ta'aruf-i Müslimîn* 1/22 (1328): 359-360.
- Ahmad, Şah. "Khivada maktablar islāhi." *Ta'aruf-i Müslimîn* 2/26 (1328): 26-28.
- Arandarenko, G. "Bukharskie voyska v 1880 g." *Voennyiy sbornik* (1881): 366-380.
- 'Arūsī, Şaykh Muhr al-Dīn. "'Uthmānli – Īrān i'tilāfi. Īlk zamzama-i ittiḥād." *Ḥikmet* 40 (1911): 21.
- "Bukhārā aḥwālī." *Şirāt-ı Müstaqīm* 123 (1326): 314-315.
- "Bukhārā istiqlālina su'-i qaşd." *Şirāt-ı Müstaqīm* 108 (1326): 68-69.
- "Bukhārāda khufya usūli." *Ta'aruf-i Müslimîn* 1/5 (1328): 69-70.
- "Bukhārādan aldighimiz bir waraqa." *Ta'aruf-i Müslimîn* 1/9 (1328): 151-154.
- "Bukhārādan maktüb." *Şirāt-ı Müstaqīm* 69 (1325): 266-268.
- "Bukhārādan maktüb." *Şirāt-ı Müstaqīm* 82 (1325): 74.
- Bukhārā mukhābir-i makhūsimizdan. "Bukhārā waq'a-i alīmasi." *Şirāt-ı Müstaqīm* 76 (1325): 382-384.
- Bukhārā mukhābir-i makhūsimizdan. *Şirāt-ı Müstaqīm* 82 (1325): 74-75.
- Bukhārā mukhābirlarimizdan. "Bukhārā ḥāli tahlıkada ...!" *Ta'aruf-i Müslimîn* 1/2 (1328): 29-30.

- Bukhārī, Ş. M. “Bukhārāda sharī‘at nāmına irtikāb ölan jināyat.” *Şırāt-ı Müstaqīm* 66 (1325): 221-222.
- “Bukhārā amirining ҳadyasi” *Tarjumān* 13 (1904).
- “Bukhārā amīri” *Tarjumān* 1 (1905).
- “Bukhārā va Khiva khānlari” *Tarjumān* 70 (1904).
- “[Bukhārā amīri...]” *Tarjumān* 34 (1904);
- “[Bukhārā amīri...]” *Tarjumān* 9 (1901).
- B.T.O. “Bukhārā amirining i‘ānasi” *Tarjumān* 230 (1914).
- “Çiğatay dili” *Tarjumān* 10 (1910).
- “Faidasiz ҳidmat” *Tarjumān* 122 (1906).
- Ҳуснӣ, Нӯр ‘Alizāde Ghiyāth al-Dīn. “Bukhārā.” *Şırāt-ı Müstaqīm* 102 (1326): 412-413.
- Ҳуснӣ, Нӯр ‘Alizāde Ghiyāth al-Dīn. “Bukhārāya dā‘ir.” *Şırāt-ı Müstaqīm* 74 (1326): 75; 76 (1326): 228-230
- Ҳуснӣ, Нӯр ‘Alizāde. “Bukhārāda sunnilar, şī‘ilar.” *Şırāt-ı Müstaqīm* 74 (1328): 350-352.
- “Janāb-i ‘āliy Bukhārā amīri Sayyid Mir ‘Ālimkhān ҳazratlari nāmına sādир ölinmiş farmān-i imperatōriy” *Tarjumān* 7 (1916).
- Ibrāhīm, ‘Abd al-Raşīd. “Pānturānizm.” *Ta‘āruf-i Müslimīn* 1/2 (1328): 17-20.
- Ibrāhīm, ‘Abd al-Raşīd. “Bukhārā amiri ‘Abd al-Aḥadkhān ҳazratlarining wafāti munāsabatila.” *Ta‘āruf-i Müslimīn* 2/29 (1329): 65-66.
- Ibrāhīm, ‘Abd al-Raşīd. “Yana Pānturānizm” yāki “Aqwām-i Türk’in birleşmesi.” *Ta‘āruf-i Müslimīn* 1/5 (1328): 57-58.
- “T‘ānai ‘Abdulaḥadkhān” *Tarjumān* 4 (1892); “Taşkand” *Tarjumān* 20 (1893).
- “[Imperatör wali‘ahdi...]” *Tarjumān* 65 (1904).
- Ismā‘il, “Bukhārā” *Tarjumān* 49 (1896).
- Kanlıdere, Ahmet. “Türk Basınında Türkistanlı Ceditçilerin Kültürel Faaliyetleri 1910-1914.” *Marmara Türkiyat Araştırmaları Dergisi* 1 (2014): 167-176.
- “[Khiva khāni...]” *Tarjumān* 57 (1904);
- “Khiva” *Tarjumān* 160 (1913).
- Mulla Badriqul Qāri Muḥammad. “Khivadan maktüb (khāca Khārazmning ḥalati ḥāzirasi).” *Ta‘āruf-i Müslimīn* 1/16 (1328): 260-261.
- Özgür, Mustafa Tuna. “Gaspıralı v. Il‘mınskii: Two identity projects for the Muslims of the Russian Empire” *Nationalities Papers* 2(30) (2002): 264-289.
- “Rech S.Maksudova v Gos. Dume” *Tarjumān* 10 (1909).
- Sibiriyali, ‘Ālimcan al-Idrisī. “Bukhārāda taḥsi.l” *Şırāt-ı Müstaqīm* 59 (1325): 111-112.
- “Taşkent” *Tarjumān* 89 (1904); [Khiva khāni...] *Tarjumān* 84 (1906).

- Tepekaya, Ahmet. "Filibeli Ahmet Hilmi'nin Hikmet Dergisini Yayınlamasındaki Amacı." *Karadeniz Araştırmaları* 8 (2005): 40-46.
- Träiskli, Aḥmad Tāj al-Dīn. "Afghānistān – Bukhārā." *Ta'āruf-i Müslimīn* 1/8 (1328): 128-132.
- Träiskli, Aḥmad Tāj al-Dīn. "Badbakht ḥukmdār, zawalli Bukhārā ...!" *Ta'āruf-i Müslimīn* 1/3 (1328): 43-46.
- Träiskli, Aḥmad Tāj al-Dīn. "Bukhārā talabalarila ḥasb-i ḥāl." *Ta'āruf-i Müslimīn* 1/15 (1328): 241-245.
- Träiskli, Aḥmad Tāj al-Dīn. "Khiva khāni Muḥammad Raḥīmkhānning wafāti munāsabatila." *Ta'āruf-i Müslimīn* 1/16 (1328): 254-258.
- Träiskli, Aḥmad Tāj al-Dīn. "Māwarāunnaḥrda Ingiltarra." *Ta'āruf-i Müslimīn* 1/17 (1328): 275-278.
- Träiskli, Aḥmad Tāj al-Dīn. "Zawalli Bukhārā ...!" *Şirāt-ı Müstaqīm* 64 (1325): 187-190.
- Zābid Afandi. "Khiva ḥākimi marḥūm Sayyid Muḥammad Raḥīm Bahādirkhān." *Şirāt-ı Müstaqīm* 109 (1326): 78-79.

Интернет-ресурсы

- Arapov, D., T. Kotyukova, "Arkhivnye materialy Ministerstva vnutrennikh del Rossiyskoy imperii o musulmanskom dvizhenii nachala XX veka" Accessed 15.08.2008. http://www.kennan.ru/index.php/corporate/media/islam_conf/node_361/xix_xx
- "Doklad MID. TSGA RUz, F. I-2, Op. 31, D. 251/18". Accessed 17.07.2008. <http://zerrspiegel.orientphil.uni-halle.de/t1157.html>
- "Doklad o polozhenii zemledeltsev v Bukharskom khanstve (usl.). TSGA RUz, F. I-2, Op. 31, D. 723/33". Accessed 17.07.2008, <http://zerrspiegel.orientphil.uni-halle.de/t1157.html>
- "Dokladnaya zapiska ob ugroze vozniknoveniya revolyutsionnoy situatsii v Bukhare v svete aktivnosti turetskikh i afganskikh agentov v Khanstve (usl.). TSGA RUz, F. I-2, Op. 31, D. 726/19". Accessed 17.07.2008. <http://zerrspiegel.orientphil.uni-halle.de/t1157.html>
- "O milostyakh bukharskomu naseleniyu s svyazi s vosshestviem na prestol Sayyid Alimxana (usl.). 14.01.1911. TSGA RUz, F. I-1, Op. 31, D. 735/22". Accessed 27.09.2008. www.zerrspiegel.orientphil.uni-halle.de/t1143.html
- "Predlozheniya po Programme reform v Bukharskom khanstve (usl.). TSGA RUz, F. I-1, Op. 31, D. 723/60". Accessed 27.09.2008. www.zerrspiegel.orientphil.uni-halle.de/t1177.html
- "Programma voprosov. TSGA RUz, F. I-2, Op. 31, D. 251/24". Accessed 17.07.2008. <http://zerrspiegel.orientphil.uni-halle.de/t1157.html>

Sh. Turdiev, “Rol Rossii v podavlenii dzhadidskogo dvizheniya (po materialam arkhiva SNB Uzbekistana)”. Accessed 24.12.2007. http://www.ca-c.org/journal/13-1998/st_15_turdiev.shtml

“Zapiska s predlozheniyami yuridicheskogo i fakticheskogo prisoedineniya Bukharskogo i Khivinskogo khanstv k Rossiyskoy imperii (usl.). TSGA Ruz, F. I-2, Op. 31, D. 723/16”. Accessed 17.07.2008. <http://zerrspiegel.orientphil.uni-halle.de/t1157.html>